

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-92-129

Богдан Леонидович ЗИМНЕНКО
доктор юридических наук, профессор

О МЕСТЕ И ЗНАЧЕНИИ ПРАКТИКИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНКРЕТНЫХ ДЕЛ)

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье раскрывается складывающаяся практика судов Российской Федерации, связанная с учетом правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека при применении законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации. Речь, в частности, идет о позициях Европейского Суда по правам человека, Комитета по правам человека, Комитета против пыток. Обращается внимание на необходимость учета позиций, вырабатываемых международными внедоговорными органами ООН, например, в рамках специальных тематических процедур. В статье предлагаются возможные основания для классификации пра-

вовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная практика, суды Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, Комитет по правам человека, Комитет против пыток

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зимненко Б.Л. 2017. О месте и значении практики межгосударственных органов по защите прав и свобод человека в правовой системе Российской Федерации (на примере рассмотрения судами Российской Федерации конкретных дел). – *Московский журнал международного права.* № 3. С. 92–129.

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-92-129

COURT PRACTICE REVIEW

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-92-129

Bogdan L. ZIMNENKO,
Doctor of Juridical Sciences, Professor

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE PRACTICE OF INTERSTATE ORGANS FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION (CASES CONSIDERED BY THE COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

ABSTRACT. *In the article they reveal the current practice of the courts of the Russian Federation, concerning the implementation of international treaty bodies legal positions in the way of interpretation of the legislation of the Russian Federation, generally recognized principles and rules of international law and international treaties of the Russian Federation. Particularly it says about the practice of the European Court on human rights, Human Rights Committee and Committee against Torturer. They also focus on the necessity to take into account the positions formulated in the framework of international non-treaty bodies especially by the special procedures of the Human Rights Council. The article contains the possible basis for the classification of international treaties bodies legal positions.*

KEYWORDS: *court practice, the courts of the Russian Federation, European Court of Human Rights, Human Rights Committee, Committee against Torture*

FOR CITATION: Zimnenko B.L. The Role and Significance of the Practice of Interstate Organs for the Protection of Human Rights and Freedoms in the Legal System of the Russian Federation (cases considered by the courts of the Russian Federation). – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No 3. P. 92–129.

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-92-129

В настоящее время в сфере межгосударственных отношений сложилась система межгосударственных органов (далее – также международные договорные органы, договорные органы и органы), наделенных согласно положениям международных договоров компетенцией рассматривать жалобы лиц, которые полагают, что их права и свободы, предусмотренные этими соглашениями, были нарушены государством – участником договора, а также принимать решения о наличии или об отсутствии нарушения прав и свобод.

Указанные межгосударственные органы действуют как на универсальном¹, так и на региональном уровне. Примерами договорных органов, действующих на универсальном уровне, являются Комитет по правам человека, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам², Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комитет по правам инвалидов. Примерами межгосударственных органов, действующих на региональном уровне, являются Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд), Межамериканский Суд по правам человека и Африканский Суд по правам человека и народов.

Основная цель деятельности таких органов – контроль за соблюдением государствами – участниками их обязательств по обеспечению³ прав и свобод человека, гарантируемых международными договорами. Так, Комитет по правам человека наделен компетенцией рассматривать жалобы лиц, если речь идет о предполагаемом нарушении государством положений Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Комитет против пыток – Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря

1984 г., Комитет по экономическим, социальным и культурным правам – Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Комитет по ликвидации расовой дискриминации – Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин – Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г., Комитет по правам инвалидов – Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.

По состоянию на 1 мая 2017 г. Российская Федерация признавала компетенцию, в том числе рассматривать жалобы лиц на предполагаемое нарушение прав и свобод человека, следующих договорных органов, действующих на универсальном уровне: Комитета по правам человека, Комитета против пыток, Комитета по ликвидации расовой дискриминации и Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин. На региональном уровне таким органом является Европейский Суд по правам человека.

В своей деятельности такие органы исходят в том числе из *принципа субсидиарности*, согласно которому основная ответственность за соблюдение прав и свобод человека возлагается на государство, под юрисдикцией которого находится (находилось) лицо, права и свободы которого предположительно были нарушены этой страной.

Данный принцип имплицитно закреплен в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, наделяющей лицо возможностью обратиться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека согласно международному договору Российской Федерации, если были исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты.

Принцип субсидиарности распространяется на законодательную, административную⁴ и правоприменительную деятельность государства.

¹ Под «универсальным уровнем» понимается уровень, охватывающий большинство государств мирового сообщества, например, в рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН).

² Комитет по экономическим, социальным и культурным правам является органом, состоящим из 18 независимых экспертов, наблюдающих за выполнением государствами – участниками Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В отличие от иных договорных органов, действующих на универсальном уровне, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам был учрежден Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН от 28 мая 1985 г. Доступ: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=E/RES/1985/17> (Дата обращения: 18.03.2017). Комитет был учрежден с целью выполнения функций мониторинга, приписанных Экономическому и Социальному Совету ООН в ч. IV Пакта. Режим доступа: Доуступ: <http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/cescr/Pages/cescrindex.aspx> (Дата обращения: 18.03.2017).

³ В настоящем издании термины «обеспечение» и «защита» прав и свобод человека используются в качестве синонимов.

⁴ Или исполнительную.

Он находит свое подтверждение в практике международных договорных органов, а также в договорной практике государств.

«[Е]вропейская система защиты прав человека основана на принципе субсидиарности. Государству-ответчику должна быть предоставлена возможность устранить нарушения до того, как жалобу рассмотрит Европейский Суд, но «принцип субсидиарности не означает отказа от надзора за результатом использования внутренних средств правовой защиты»... Кроме того, принцип субсидиарности не должен быть истолкован как позволяющий государствам-ответчикам уклоняться от рассмотрения дела Европейским Судом» (п. 95 Постановления от 12 февраля 2013 г. по делу *Ефименко против Российской Федерации*).

«[М]еждународный механизм коллективного принуждения, созданный Конвенцией⁵, является субсидиарным по отношению к национальным системам защиты прав человека. Национальные власти сохраняют свободу выбора мер, которые они считают целесообразными в вопросах, регулируемых Конвенцией. Контроль Европейского Суда затрагивает лишь соответствие этих мер требованиям Конвенции» (п. 35 Постановления от 14 февраля 2012 г. по делу *Ткачевы против Российской Федерации*).

«[О]тносясь с особой щепетильностью к своей субсидиарной роли и являясь осторожным в принятии на себя роли суда первой инстанции при установлении факта, он тем не менее не связан выводами национальных судов и может не учитывать их, когда это является неизбежным в силу обстоятельств конкретного дела» (п. 100 Постановления от 24 января 2008 г. по делу *Маслова и Налбандов против Российской Федерации*).

«[О]ценка фактов и доказательств в каждом конкретном случае и применение внутреннего законодательства государств-участников составляют прерогативу их судов, если только не будет доказано, что такие оценка или применение были явным образом произвольными или равносильными очевидной ошибке или отказу в правосудии» (п. 4.3 Решения Комитета по правам человека от 28 октября 2014 г. по делу *Хосе Антонио Каньяда Мора против Испании*)⁶.

Протокол № 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 24 июня 2013 г.⁷ в ст. 1 предусматривает внесение в преамбулу к Конвенции нового абзаца, согласно которому «в соответствии с принципом субсидиарности Высокие Договаривающиеся Стороны несут основную ответственность за обеспечение прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, и пользуются при этом свободой усмотрения, надзор в отношении реализации которой осуществляется Европейским Судом по

правам человека, созданным на основании данной Конвенции»⁸.

Нормы международного права, определяющие подлежащие защите права и свободы человека, как правило не регулируют вопросы избрания государствами средств, методов и способов их обеспечения. Эти вопросы относятся к исключительной компетенции государства. В принципе международное сообщество не проявляет интереса к тому, каким образом отдельная страна будет обеспечивать права и свободы человека. Но для мирового сообщества важно, чтобы эти права и свободы были гарантированы в пределах юрисдикции государства и тем самым достигалась бы цель заключенного международного договора, действующего в сфере защиты прав и свобод человека. Как представляется, в этом также проявляется принцип субсидиарности.

Нельзя не сослаться на установившуюся правовую позицию Европейского Суда в части обеспечения государствами соблюдения разумных сроков судопроизводства: «Договаривающиеся Стороны обязаны организовать судебную систему таким образом, чтобы их суды могли рассматривать дела в течение разумного срока... Государство вправе *самостоятельно* [курсив мой. – Б.З.] определить, каким образом обеспечить механизм соблюдения этих требований – увеличением числа судей, автоматическим применением сроков и распоряжениями или какими-либо другими способами. Если же государство допускает продолжение разбирательства сверх «разумного срока», предусмотренного статьей 6 Конвенции, не предпринимая ничего для его ускорения, оно будет нести ответственность за задержки, к которым это приведет» (п. 44 Постановления от 25 февраля 2010 г. по делу *Куприны против Российской Федерации*).

Вышеуказанный подход используется и в отношении обеспечения иных прав и свобод человека. «[X]отя подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции предоставляет каждому, кому было предъявлено обвинение в уголовном преступлении, право «защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника...», он не раскрывает средства осуществления этого

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – также Конвенция).

⁶ Тексты решений международных договорных органов ООН размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

⁷ По состоянию на 1 мая 2017 г. указанный Протокол не вступил в силу. URL: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/Commun/ListeTraites.asp?CM=8&CL=ENG> (accessed date: 18.03.2017).

⁸ Ibidem.

права. Таким образом, *он оставляет за Договаривающимися Сторонами выбор средств обеспечения его соблюдения в их судебных системах* [курсив мой. – Б.З.], и в задачу Европейского Суда входит только удостовериться, что способ, который они выбрали, соответствует требованию справедливости судебного разбирательства... В связи с этим необходимо иметь в виду, что Конвенция должна «гарантировать не теоретические или иллюзорные, а практические и эффективные права» и что назначение адвоката само по себе еще не гарантирует результативной юридической помощи, которую он может ему или ей оказать» (п. 95 Постановления от 2 ноября 2010 г. по делу *Сахновский против Российской Федерации*).

В преамбуле к Брюссельской декларации конференции высокого уровня «Имплементация Европейской конвенции по правам человека: наша совместная ответственность» от 27 марта 2015 г. вновь, как и в принятых ранее декларациях на конференциях по реформированию Европейского Суда по правам человека в Интерлакене (2010 г.)⁹, Измире (2011 г.)¹⁰ и Брайтоне (2012 г.)¹¹, было обращено внимание на принцип субсидиарности в работе контрольного механизма, действующего в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹². Согласно декларациям, принятым по результатам этих конференций, основная роль по обеспечению и защите прав и свобод человека на национальном уровне возлагается на законодательную, исполнительную и судебную власти.

В ходе осуществления законодательной, административной и правоприменительной деятельности, в том числе в связи с реализацией в сфере внутригосударственных отношений международных договоров по правам человека, страна не может игнорировать практику международных договорных органов по применению этих соглашений.

Учитывать практику договорных органов в сфере внутригосударственных отношений обязывают положения Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

(далее – Венская конвенция), ст. 31 которой предусматривает, что при толковании международного договора наряду с контекстом должна учитываться *последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования*.

Рассматриваемое договорное положение международного права в свое время было отражено в абзаце втором п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», в соответствии с которым «при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика применения договора международными договорными органами представляет собой одну из форм «последующей практики применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования»¹³.

Такая практика охватывает в том числе правовые позиции договорных органов, сформулированные ими вследствие рассмотрения индивидуальных жалоб лиц о предполагаемом нарушении их прав и свобод¹⁴. Правовые позиции в последующем используются договорным органом для аргументации принимаемого решения при рассмотрении схожих дел, а также в ходе выработки рекомендаций государству, допустившему, по мнению органа, нарушение прав и свобод человека. В связи с этим можно говорить о прецедентном характере таких позиций.

Так, по делу *Татьяна Шихмурадова (от имени ее супруга Бориса Шихмурадова) против Туркменистана* Комитет по правам человека при формулировании позиции, согласно которой бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения, особенно с учетом того, что автор и государство-участник не всегда имеют

⁹ URL: http://www.echr.coe.int/Documents/2010_Interlaken_FinalDeclaration_ENG.pdf (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰ URL: http://www.echr.coe.int/Documents/2011_Izmir_FinalDeclaration_ENG.pdf (accessed date: 18.03.2017).

¹¹ URL: http://www.echr.coe.int/Documents/2012_Brighton_FinalDeclaration_ENG.pdf (accessed date: 18.03.2017).

¹² High-level Conference on the “Implementation of the European Convention on Human Rights: our shared responsibility”. URL: http://justice.belgium.be/fr/binaries/Declaration_EN_tcm421-265137.pdf (accessed date: 18.03.2017).

¹³ Подпункт (b) п. 3 ст. 31 Венской конвенции.

¹⁴ Правовые позиции международного договорного органа формулируются не только вследствие рассмотрения индивидуальных жалоб, но и в ходе оценки периодических докладов государств о соблюдении их обязательств по международному договору, если договорный орган наделен соответствующей компетенцией.

равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник пользуется доступом к соответствующей информации, сослался на ранее принятые им соображения по делам: *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, п. 6.7, сообщение № 1297/2004; *Меджуин против Алжира*, Соображения от 14 июля 2006 г., п. 8.3, сообщение № 1804/2008; *Иль Хуильди против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения от 1 ноября 2012 г., п. 7.2, которые содержат вышеупомянутую правовую позицию (п. 6.2 Соображений от 17 октября 2014 г. по делу *Татьяна Шихмурадова (от имени ее супруга Бориса Шихмурадова) против Туркменистана*)¹⁵.

Под **правовой позицией международного договорного органа** предлагается понимать его мнение о том, каким образом с учетом обстоятельств рассматриваемого им дела (ситуации) необходимо истолковывать положения международного договора для эффективной защиты прав и свобод, в том числе обратившегося с жалобой лица¹⁶. Правовая позиция, сформулированная международным договорным органом, не является источником ни международного, ни внутригосударственного права, а относится к прецедентам толкования.

Исходя из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 31 Венской конвенции, правовые позиции международных договорных органов, сформулированные ими по вопросам толкования международных соглашений Российской Федерации, являются частью правовой системы Российской Федерации. Включение указанных позиций в правовую систему нашей страны означает, что эти позиции не должны игнорироваться органами государственной власти Российской Федерации при реализации в сфере внутригосударственных отношений положений международных договоров. Учет правовых позиций, сформулированных международными договорными органами, является одной из гарантий надлежащего исполнения Российской Федерацией ее международных договорных обязательств.

Анализируя вопрос о месте правовых позиций, вырабатываемых международными договорными органами, действующими в том числе в рамках Организации Объединенных Наций, нельзя не обратить внимание на определение

Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В нем Конституционный Суд высказал свое мнение о месте и значении в правовой системе Российской Федерации соображений Комитета¹⁷.

«Несмотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников соображений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения соображений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств...»

В силу общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda* [«договоры должны соблюдаться». – Б.3.] и по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, возлагающего на каждое участвующее в Пакте государство обязанность обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, Российская Федерация не вправе уклоняться от адекватного реагирования на соображения Комитета по правам человека, в том числе в случаях, когда он полагает, что вследствие нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах должно быть обеспечено повторное судебное разбирательство по уголовному делу лица, чье сообщение послужило основанием для принятия Комитетом соответствующего Соображения.

Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии

¹⁵ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/112/D/2069/2011&Lang=en (accessed date: 18.03.2017).

¹⁶ Автор ни в коей мере не претендует на исчерпывающее определение данного понятия.

¹⁷ Речь идет о решениях Комитета, принимаемых по результатам рассмотрения индивидуальных жалоб (сообщений).

с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»¹⁸.

Как представляется, соответствующая линия рассуждений Конституционного Суда является актуальной и для определения места и значения в правовой системе Российской Федерации собственно правовых позиций Комитета по правам человека, одним из вариантов закрепления которых являются его соображения.

Важно вновь отметить, что включение правовых позиций международных договорных органов в правовую систему Российской Федерации ни в коей мере не означает, что они, а точнее, решения органов, в которых эти положения закреплены, становятся источником права Российской Федерации. Правовые позиции представляют собой одно из средств толкования международных договоров Российской Федерации, что подтверждает сложившаяся практика отечественных судов.

*Правовые позиции международного договорного органа как неотъемлемая часть его практики должны учитываться судами Российской Федерации, прежде всего, в ходе применения положений международного договора, которые в свое время были истолкованы договорным органом*¹⁹.

Так, например, применение судами положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней должно осуществляться с учетом правовых позиций Европейского Суда по правам человека, сформулированных этим органом в отношении применяемых положений Конвенции и (или) Протоколов к ней, применение положений Международного пакта о гражданских и политических правах – с учетом правовых позиций Комитета по правам человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах – с учетом правовых позиций Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении

судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» внимание судов было обращено на следующее: «Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (п. 10 Постановления)²⁰.

В ходе рассмотрения конкретных дел суды Российской Федерации учитывают правовые позиции Европейского Суда по правам человека при применении положений Конвенции и Протоколов к ней.

Так, истцы обратились в суд с иском к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда. В обоснование иска они указали, что являются родителями Ш., который в августе 1998 г. был задержан в качестве подозреваемого. Приговором от 10 марта 1999 г. Ш. был признан виновным в совершении преступления и ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Впоследствии приговор был отменен, а уголовное дело неоднократно рассматривалось судами. Приговором от 30 сентября 2008 г. Ш. был оправдан за непричастность в совершении преступления. За ним признано право на реабилитацию. В порядке реабилитации в пользу Ш. взыскана компенсация морального вреда.

Истцы, ссылаясь на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также на

¹⁸ Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1.

¹⁹ Как будет продемонстрировано далее, правовые позиции международных договорных органов могут учитываться и в иных случаях, не связанных с применением судом положений конкретного международного договора, во исполнение которого был создан тот или иной орган.

²⁰ Как представляется, указанное разъяснение Верховного Суда РФ *mutatis mutandis* должно быть актуально и для правовых позиций, сформулированных *иными* международными договорными органами, в случаях применения судами Российской Федерации положений международных договоров Российской Федерации, во исполнение которых и были созданы соответствующие договорные органы.

ст. 151 ГК РФ, указали на то, что органами государственной власти в лице органов следствия, прокуратуры, суда было нарушено их право на семейную жизнь, поскольку они были лишены возможности общения с сыном, испытывали негативные эмоции, лишились оказываемой им сыном материальной помощи, испытывали физические и нравственные страдания, которые должны быть возмещены им за счет казны Российской Федерации, поскольку их сын был осужден незаконно.

Решением от 1 декабря 2011 г. в удовлетворении иска отказано. Апелляционным определением от 18 мая 2012 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Отменяя указанные судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в Определении от 1 октября 2013 г. по делу № 5-Г13-77 отменила следующее.

«Согласно ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц...

Цель приведенных норм Конвенции – защита индивида от произвольного вмешательства органов государственной власти в его личную и семейную жизнь. В связи с этим на публичные власти возлагается обязанность воздерживаться от действий, направленных на вмешательство в осуществление каждым человеком права на уважение частной и семейной жизни, то есть препятствующих свободному (от вмешательства государства) существованию семьи и построению взаимоотношений ее членов по их добровольному волеизъявлению.

Семейная жизнь в понимании ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками. Понятие «семейная жизнь» не относится исключительно к основанным на браке отношениям и может включать другие семейные связи, в том числе связь между родителями и совершеннолетними детьми...

Из содержания обжалуемых судебных постановлений усматривается, что предметом рассмотрения суда данные обстоятельства не являлись, выводов относительно наличия или отсутствия причинения физических и нравственных страданий (морального вреда) Шибанову А.И.

и Шибановой Т.А. в связи с незаконным осуждением их сына применительно к положениям ст. 151 ГК РФ судебными инстанциями не сделано. Судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций содержат лишь выводы об отсутствии правовых оснований для удовлетворения иска, поскольку, по мнению судебных инстанций, права истцов нарушены не были.

Между тем отсутствие незаконных действий должностных лиц правоохранительных органов в отношении непосредственно истцов не могло само по себе являться основанием для отказа в иске, поскольку истцы обосновывали свои требования о компенсации морального вреда наличием причинно-следственной связи между незаконным осуждением их сына Шибанова Э.А. и нарушением личных неимущественных прав истцов.

Судебными инстанциями не учтено, что незаконный характер уголовного преследования сына истцов Шибанова А.И. и Шибановой Т.А. – Шибанова Э.А. установлен вступившим в законную силу приговором суда, в связи с чем каких-либо предусмотренных гражданским процессуальным законом (ст. 56, 61 ГПК РФ) оснований для повторного включения в предмет доказывания по настоящему делу вопроса «о признании незаконными действий (бездействия) органов следствия, прокуратуры и суда» у суда не имелось.

Обратившись в суд с иском о компенсации морального вреда, истцы Шибанов А.И. и Шибанова Т.А. указывали на то, что незаконное уголовное преследование их сына Шибанова Э.А. привело к нарушению их личных неимущественных благ, охраняемых законом и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, в том числе права на личную и семейную жизнь, права на общение с сыном и получение заботы и внимания от него, проживание с ним единой семьей, а равно причинило им самостоятельные нравственные и физические переживания и умалило их собственную честь и достоинство как родителей человека, незаконно обвинявшегося в совершении особо тяжкого преступления и содержавшегося под стражей, в результате создания в обществе негативного представления о них как о плохих родителях, воспитавших якобы социально опасную личность. Данные доводы были оставлены без правовой оценки суда.

Довод суда первой инстанции о несостоятельности ссылки представителя истцов на положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в обоснование требований о компенсации морального вреда Судебная коллегия признает нарушающим Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», в п. 10 которого разъяснено, что Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации. Поэтому применение судами названной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. По сути, суд уклонился как от применения положений Конвенции к настоящему

спору, так и от должного установления фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу»²¹.

При осуществлении правосудия суды Российской Федерации учитывают правовые позиции не только Европейского Суда по правам человека, но и позиции, сформулированные иными международными договорными органами.

В ходе рассмотрения в апелляционном порядке материалов, связанных с обжалованием решения о выдаче, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ для аргументации своей позиции сослалась на положения ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. в толковании Комитета против пыток. В частности, в Определении от 25 марта 2015 г. по делу № 56-АПУ15-7 было указано следующее.

«Положения статьи 3 Конвенции против пыток, в соответствии с которой ни одно государство – участник не должно высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток, не только означают необходимость проверки фактов наличия или отсутствия в данном государстве грубых и массовых нарушений прав человека, но и подразумевают выяснение одного из ключевых (главных) вопросов – наличие или отсутствие в таком государстве риска применения пыток (или иного бесчеловечного, унижающего достоинство обращения или наказания) к выдаваемому лицу лично.

При этом такая угроза должна быть реальной, фактической и прогнозируемой.

Согласно правовым позициям Комитета против пыток ООН, изложенным в ряде его решений по сообщениям (№ 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, решение, принятое 14 ноября 2003 года, пункт 7.3; № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, решение, принятое 7 ноября 2006 года; № 285/2006, *А.А. и др. против Швейцарии*, решение, принятое 10 ноября 2008 года, пункт 7.6; № 333/2007, *Т.Н. против Канады*, решение, принятое 15 ноября 2010 года; № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, решение, принятое 12 ноября 2010 года; № 350/2008, *Р.Т.-Н. против Швейцарии*, решение, принятое 3 июня 2011 года, пункт 8.4; № 385/2009, *М.А.Ф. и др. против Швеции*, решение, принятое 23 ноября 2012 года; № 467/2011, *У.В.К. и др. против Швейцарии*, решение, принятое 31 мая 2013 г., и др.), «существование в какой-либо стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы

установить, что данному лицу угрожает применение пыток после его возвращения в эту страну. Для определения наличия личной угрозы данному лицу должны существовать дополнительные основания, то есть существовать и другие причины, дающие основания полагать, что этому лицу будет лично грозить опасность. В то же время отсутствие постоянной практики грубых и систематических нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не может быть подвергнуто пыткам в какой-либо конкретной ситуации».

Комитет, ссылаясь на свои замечания общего порядка, отмечал, что необходимо «оценивать наличие серьезных оснований полагать, что заявителю может угрожать применение пыток в случае его высылки в соответствующую страну, и при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, но такая опасность должна угрожать заявителю лично и быть реальной»; «для определения наличия личной угрозы данному лицу должны существовать дополнительные основания».

В этой связи Комитет в своих решениях отметил также, что для целей статьи 3 Конвенции угроза применения пыток, которым может подвергнуться соответствующее лицо в случае возвращения, не может носить мнимый характер (то есть являться умозрительным предположением или подозрением), а должна быть «прогнозируемой, предсказуемой, реальной и личной»²².

Верховный Суд РФ рассмотрел жалобу на вступившие в законную силу постановление судьи Октябрьского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 9 июня 2016 г., решение судьи Верховного Суда Удмуртской Республики от 10 июня 2016 г. и постановление заместителя председателя Верховного Суда Удмуртской Республики от 1 августа 2016 г., вынесенные по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ. Постановлением Верховного Суда РФ от 13 января 2017 г. по делу № 43-АД16-13 указанные судебные акты были изменены, а именно из них исключили указание на назначение административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации²³.

В качестве обоснования необходимости изменения судебных актов Верховным Судом РФ были применены нормы международного права с учетом правовых позиций Комитета по правам человека и Комитета против пыток. Так, например, в Постановлении внимание было обращено на следующее.

²¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 октября 2013 г. по делу № 5-КГ13-77. Доступ: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=562098 (дата обращения: 18.03.2017).

²² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 марта 2015 г. по делу № 56-АПУ15-7. Доступ: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1247058 (дата обращения: 18.03.2017).

²³ Речь шла об административном выдворении за пределы Российской Федерации в Сирийскую Арабскую Республику.

«В силу части 2 статьи 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях данный Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации.

Назначение дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, такой меры ответственности, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения баланса публичных и частных интересов в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

При этом статьей 7 Международного пакта от 16 декабря 1966 г. о гражданских и политических правах установлено, что никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию...

В силу статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. ни одно государство-участник не должно высылать, возвращать (*refouler*) или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

В соответствии со статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, в толковании Комитета ООН по правам человека, статьей 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. лицо не подлежит выдаче в случае, если имеются серьезные основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто не только пыткам, но и бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию...

В силу статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в толковании Комитета ООН против пыток, при оценке наличия или отсутствия указанных выше обстоятельств необходимо принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела, которые в своей совокупности могут свидетельствовать о наличии или об отсутствии серьезных оснований полагать, что лицо может быть подвергнуто вышеупомянутому обращению или наказанию.

В связи с этим судами могут учитываться, например, показания лица, в отношении которого принято решение о выдаче, свидетелей, заключение Министерства иностранных дел Российской Федерации о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве, гарантии запрашивающего государства, а также доклады и иные документы, принятые в отношении такого государства международными внедоговорными (Совет по правам человека, созданный в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН) и договорными органами (Комитет ООН по правам человека, действующий на основании Международного пакта о гражданских и политических правах; Комитет ООН против пыток, действующий

на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, действующий во исполнение Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. и т.д.).

Аналогичная правовая позиция содержится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

Признавая не действующим п. 42.1 приложения № 3 к Федеральным авиационным правилам «Медицинское освидетельствование летного, диспетчерского состава, бортпроводников, курсантов и кандидатов, поступающих в учебные заведения гражданской авиации», утвержденным приказом Министерства транспорта РФ от 22 апреля 2002 г. № 50, в части признания бортпроводников негодными к работе при установлении у них СПИДа и вирусоносительства, за исключением случаев наличия медицинского заключения о невозможности осуществлять ими по состоянию здоровья эту профессиональную деятельность, Верховный Суд РФ для аргументации своей позиции по делу сослался в том числе на правовые позиции Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, изложенные в его Замечании общего порядка № 20 (2009) и касающиеся толкования отдельных положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

В Решении Верховного Суда РФ от 13 марта 2017 г. по делу № АКПИ17-31 было отмечено, что «[п]ункт 2 статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах обязывает государства гарантировать, что права, признаваемые в нем, осуществляются без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения или иных обстоятельств, к числу которых Комитет по экономическим, социальным и культурным правам – орган Организации Объединенных Наций, осуществляющий надзор за соблюдением указанного Пакта, относит состояние здоровья, в частности ВИЧ-статус (Замечание общего порядка № 20 (2009))»²⁴.

²⁴ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

При рассмотрении в апелляционном порядке административного дела по административному исковому заявлению прокурора Республики Крым о признании экстремистской организацией и запрете деятельности общественного объединения «Меджлис крымскотатарского народа» в апелляционном определении от 29 сентября 2016 г. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ для мотивировки принимаемого постановления сослалась на Замечания общего порядка № 23 и 25, принятые Комитетом по правам человека и связанные с толкованием ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. В частности, Верховный Суд РФ использовал правовую позицию данного договорного органа, в силу которой права, закрепленные в ст. 27 Пакта «должны реализовываться без ущерба суверенитета и территориальной целостности государств-участников»²⁵.

Решением Таганского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2015 г. было отказано в удовлетворении заявления Н. о признании незаконными решений Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и Генеральной прокуратуры РФ. Рассматривая в апелляционном порядке жалобу заявителя судебная коллегия по административным делам Московского городского суда сослалась на правовые позиции Комитета по правам человека, изложенные в одном из его соображений и касающиеся толкования положений п. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Информация о соответствующем Соображении Комитета была размещена в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г.

В апелляционном Определении от 8 июля 2015 г. по делу № 33-23802 судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отметила следующее.

«Комитет [по правам человека] напоминает, что п. 2 ст. 19 (Пакта), трактуемый вместе со ст. 25 Пакта, предусматривает право средств массовой информации на доступ к информации о государственных делах. Таким образом, свободная пресса и другие средства массовой информации могут иметь доступ к информации о деятельности выборных органов и их членов и имеют возможность высказывать свои мнения по общественно значимым вопросам без цензуры или ограничений и информировать

общественность... Любые ограничения, вводимые государством-участником на осуществление прав, защищаемых п. 2 ст. 19 Пакта, должны быть предусмотрены законом; они могут устанавливаться лишь на основаниях, предусмотренных в пп. а) и б) п. 3 ст. 19 Пакта, и должны строго отвечать требованию необходимости и соразмерности... Комитет напоминает о том, что государство-участник должно продемонстрировать конкретно и применительно к каждому отдельному случаю, почему данные меры были необходимы и соразмерны... Комитет напоминает, что государство-участник должно представлять правовое обоснование любого ограничения, установленного на осуществление права свободного выражения мнений... Комитет напоминает, что в соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государства-участники обязались обеспечить любому лицу, права которого нарушены, эффективное средство правовой защиты и обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными органами. Соответственно, когда право, признанное в Пакте, затрагивается действиями государственного ведомства, государство должно установить порядок, позволяющий человеку, право которого затрагивается его действиями, требовать восстановления нарушенных прав в компетентном органе»²⁶.

Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях, разъясняя применение отдельных положений международных договоров Российской Федерации, учитывает правовые позиции международных договорных органов, сформулированных применительно к этим положениям.

Так, абзац третий преамбулы к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» предусматривает, что «в части 2 статьи 10 названной Конвенции [о защите прав человека и основных свобод 1950 г.] указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. При этом положения данной нормы должны

²⁵ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

²⁶ Там же.

толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной в его постановлениях»²⁷.

Толкование норм внутригосударственного права: с учетом правовых позиций международных договорных органов

*Правовые позиции международных договорных органов судам необходимо учитывать при применении законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации*²⁸.

Одним из примеров толкования законодательства Российской Федерации с учетом правовых позиций международного договорного органа является толкование Конституции РФ Конституционным Судом РФ.

Так, в постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» Конституционный Суд РФ обратил внимание на следующее.

«Конвенция о защите прав человека и основных свобод рассматривает право на информацию в рамках свободы выражения мнения: согласно ее статье 10 каждый имеет право свободно выражать свое мнение, которое включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. В Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года закреплено право ребенка знать, насколько это возможно, своих родителей (пункт 1 статьи 7), а его право на семейные связи признается, наряду с гражданством и именем, в качестве элемента права на сохранение своей индивидуальности (пункт 1 статьи 8). Свобода информации, понимаемая в контексте приведенных положений, охватывает ряд прав и свобод, связанных с самореализацией человека, в том числе гарантированных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 21, 24 и 26, – право лица на получение от государственных органов информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы, право на защиту чести и достоинства, а также право знать о своем происхождении.

Европейский Суд по правам человека в правоприменительной практике по делам, связанным с вопросами раскрытия информации об усыновлении (доступа к данному рода информации), исходит из того, что в националь-

ном законодательстве по вопросам о сохранении в секрете официальной информации о происхождении ребенка, о личности матери при рождении ребенка и степени конфиденциальности соответствующих документов могут встречаться различные подходы. Так, указывая, что право знать своих предков в любом случае является важнейшим аспектом идентичности личности и подпадает под сферу действия понятия «частная жизнь» (постановление от 21 декабря 2010 года по делу *Анайю (Anayo) против Германии*), Европейский Суд по правам человека отмечает, что право, признаваемое статьей 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не является абсолютным (постановление от 7 июля 1989 года по делу *Гаскин (Gaskin) против Соединенного Королевства*).

В постановлении от 13 февраля 2003 года по делу *Одиевр (Odievre) против Франции*, подчеркивая необходимость внимательного изучения законодательных правил сохранения конфиденциальности при рождении, согласно которым при желании биологической матери сохранить при рождении ребенка в тайне информацию о собственной личности ей предоставляется право не устанавливать родственные связи с ребенком, и учитывая разнообразие правовой практики в различных законодательных системах и традициях, а также то обстоятельство, что родители продолжают отказываться от детей, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу о том, что государства должны располагать свободой усмотрения при определении мер, необходимых для обеспечения прав, гарантированных Конвенцией в этой сфере. В другом решении, также признавая за государствами пределы усмотрения при регулировании вопросов о возможности получения усыновленным ребенком доступа к находящейся в компетентных органах информации, касающейся его усыновления, Европейский Суд по правам человека указал, что национальное законодательство должно стремиться к установлению в данных вопросах равновесия между конкурирующими правами и интересами заинтересованных лиц по такого рода делам (постановление от 25 сентября 2012 года по делу *Годелли (Godelli) против Италии*)²⁹.

При толковании конституционных положений Конституционный Суд РФ учитывает не только правовые позиции Европейского Суда по правам человека, но и правовые позиции, сформулированные *иными* международными договорными органами.

В Постановлении от 7 июня 2012 г. № 14-П по делу о проверке конституционности положений подп. 1 ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и ст. 24 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» Конституционный Суд РФ отметил, что

²⁷ Доступ: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?id=7944 (дата обращения: 18.03.2017).

²⁸ Речь идет о применении положений *иных* международных договоров Российской Федерации, нежели те, положения которых были истолкованы договорным органом, созданным во исполнение такого соглашения.

²⁹ Доступ: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision198856.pdf> (дата обращения: 18.03.2017).

«[п]рименительно к отнесению тех или иных сведений к государственной тайне, необходимость защиты которой предопределена непосредственно Конституцией Российской Федерации, это означает, что при установлении правового режима секретности соответствующих сведений федеральный законодатель в силу имеющейся у него дискреции уполномочен на введение ограничений прав и свобод (включая право каждого свободно выезжать за пределы Российской Федерации, которое, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 декабря 2009 года № 19-П, не является абсолютным), только если они обусловлены целями защиты основ конституционного строя и других конституционно значимых ценностей. Приведенные положения Конституции Российской Федерации соотносятся с предписаниями основополагающих международно-правовых актов в сфере прав человека, провозглашающих право каждого покидать любую страну, включая свою собственную (пункт 2 статьи 13 Всеобщей декларации прав человека, пункт 2 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах). Согласно Замечанию общего порядка № 27³⁰, направленному Комитетом по правам человека, учрежденным на основании Международного пакта о гражданских и политических правах государствами-участниками, свобода передвижения, которая в силу пункта 3 его статьи 12 не может быть объектом никаких ограничений, кроме предусмотренных законом, необходимых для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимых с другими правами и свободами человека, является одним из неотъемлемых условий свободного развития личности; разрешенные же ограничения не могут подрывать принцип свободы передвижения, они должны определяться требованием необходимости и быть совместимыми с другими признаваемыми Пактом правами; требования необходимости и соразмерности окажутся нарушенными, если тому или иному лицу будет отказано в выезде из страны лишь на том основании, что он имел доступ к государственной тайне»³¹.

Здесь Конституционный Суд РФ при толковании конституционных положений учел правовые позиции Комитета по правам человека, изложенные в его Замечании общего порядка № 27, посвященном свободе передвижения.

Согласно сформировавшимся правовым позициям международных договорных органов толкование государством законодательства с учетом его международно-правовых обязательств, в том числе в интерпретации указанных органов, является обязанностью государства.

«[О]т национальных властей, включая суды, следует ожидать толкования и применения национального законодательства с учетом Конвенции и ее толкования Европейским Судом» (п. 85 Постановления от 28 октября 2010 г. по делу *Борис Попов против Российской Федерации*).

«[Н]икакое законоположение внутреннего законодательства не должно толковаться и применяться таким образом, который несовместим с обязательствами государства-ответчика по Конвенции» (пункт 94 Постановления от 6 декабря 2011 г. по делу *Гладышева против Российской Федерации*).

«[Г]осударства-участники должны обеспечить, чтобы суды в обязательном порядке применяли принцип равенства, закрепленный в Конвенции, а при толковании закона в максимально возможной степени исходили из обязательств государств-участников по Конвенции. В случаях же, когда это не представляется возможным, суды должны доводить любое несоответствие между национальным законодательством, включая национальные религиозные и обычные правовые нормы, и обязательствами государства-участника по Конвенции до сведения соответствующих компетентных органов, поскольку внутригосударственное законодательство ни в коей мере не может служить оправданием неспособности государств-участников выполнять свои международные обязательства» (п. 33 Общей рекомендации № 28, касающейся основных обязательств государств-участников по ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 16 декабря 2010 г. CEDAW/C/GC/28).

Нельзя не отметить, что правовые позиции о необходимости толкования национального законодательства с учетом международно-правовых обязательств государства подтверждаются в том числе практикой специальных докладчиков, действующих в рамках Совета ООН по правам человека.

«[С]удьи, прокуроры и адвокаты находятся в привилегированном положении и несут особую ответственность за обеспечение защиты и поощрения как прав человека, так и верховенства права. В частности, на судей априори возложена обязанность обеспечивать соблюдение норм и стандартов международного права прав человека на всех стадиях судебного разбирательства» (п. 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов. Размещен 1 апреля 2015 г. A/HRC/29/26).

«Правительствам следует развивать применение международного права при толковании внутреннего законодательства» (п. 76 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве человека на безопасную питьевую воду и санитарные услуги. Общие нарушения права человека на воду и санитарные услуги. Размещен 30 июня 2014 г. A/HRC/27/55).

Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях при формулировании разъяснений, касающихся применения законодательства, учитывает правовые позиции международных договорных органов, включая позиции Европейского Суда по правам человека.

³⁰ Замечания общего порядка, принимаемые Комитетом по правам человека, представляют собой обобщения правовых позиций Комитета по тому или иному вопросу.

³¹ Доступ: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision101131.pdf> (дата обращения: 18.03.2017).

Так, в преамбуле к постановлению Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» было указано: «[в] связи с внесением изменений в уголовно-процессуальное законодательство и вопросами, возникающими у судов при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, а также с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 9 и 14 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения...»³²

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» содержится разъяснение, в силу которого «[п]раво на судебную защиту признается и гарантируется Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации и включает в себя в том числе право на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного акта в разумный срок, которые реализуются посредством создания государством процессуальных условий для эффективного и справедливого рассмотрения дела, а также организации и обеспечения своевременного и эффективного исполнения судебных актов (статья 46 Конституции Российской Федерации, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года)». Абзац третий п. 60 указанного Постановления предусматривает, что при «определении размера присуждаемой компенсации [в случае нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок] суду следует также принимать во внимание практику Европейского Суда по правам человека, размер сумм компенсаций вре-

да, присуждаемых этим судом за аналогичные нарушения».

Нередко постановления Пленума Верховного Суда РФ содержат отсылочные положения к нормам международного права.

Так, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» содержится разъяснение, в силу которого «[п]раво каждого на объединение, свобода деятельности общественных объединений гарантируются Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями международных договоров Российской Федерации, включая Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, федеральными законами, а также иными нормативными правовыми актами. Данные права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом (часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 30, часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации)».

Исходя из взаимосвязанного толкования положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., отсылочное положение к нормам международного права автоматически отправляет суд и к практике применения этой нормы в сфере межгосударственных отношений, в том числе к практике международных договорных органов, их правовым позициям. В рассматриваемом случае можно говорить об имплицитной форме реализации Верховным Судом РФ правовых позиций указанных органов.

В ходе осуществления правосудия суды Российской Федерации учитывают правовые позиции договорных органов при применении законодательства Российской Федерации.

Так, при рассмотрении в кассационном порядке гражданского дела о признании недействительной сделки и применении последствий недействительности сделки Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в Определении от 25 ноября 2014 г. отметила:

³² Доступ: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?ld=9161 (дата обращения: 18.03.2017).

«[С]огласно части 1 статьи 327 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд апелляционной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы, представления в апелляционном порядке.

Частью 3 статьи 167 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусматривается, что суд вправе рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не предоставлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными.

По смыслу данной нормы права разбирательство гражданского дела происходит в судебном заседании с обязательным извещением участвующих в деле лиц, при этом судебное заседание выступает не только в качестве процессуальной формы проведения судебного разбирательства, но и является гарантией соблюдения принципов гражданского процессуального права и процессуальных прав участвующих в деле лиц на данной стадии гражданского процесса.

Однако без надлежащего извещения участников процесса о времени и месте проведения судебного разбирательства указанная функция судебного заседания не может быть выполнена. Отсюда вытекает необходимость неукоснительного соблюдения установленного гражданским процессуальным законодательством порядка извещения участвующих в деле лиц, причем в деле должны сохраняться необходимые доказательства, подтверждающие факт их надлежащего извещения.

Частью 1 статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации установлено, что лица, участвующие в деле, извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату.

Согласно правовой позиции Европейского суда по правам человека, изложенной в постановлении от 7 июня 2007 г. по делу «Ларин и Ларина против России», какой бы способ (извещения сторон) ни был выбран, судебная повестка должна быть вручена лицам лично под расписку. В начале судебного заседания суд должен выяснить, была ли отсутствующая сторона вызвана в суд в соответствии с установленными законом нормами, и затем определить, есть ли необходимость в переносе судебного заседания. В любом случае, если сторона не была вызвана в суд в надлежащей форме, судебное заседание должно быть перенесено. Отсутствие сторон, условия их вызова в суд и причины их неявки должны быть указаны в судебном постановлении.

Таким образом, независимо от того, какой из способов извещения участников судопроизводства избирается судом, любое используемое средство связи или доставки должно обеспечивать достоверную фиксацию переданного сообщения и факт его получения адресатом»³³.

В рассматриваемом случае положения ГПК РФ были истолкованы судом с учетом правовых позиций Европейского Суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело о защите деловой репутации, компенсации морального вреда, отменила решение суда первой инстанции и апелляционное определение, которыми частично удовлетворен иск губернатора одной из областей Российской Федерации. В Определении от 10 декабря 2013 г. по делу № 10-КГ13-2 Судебной коллегией было отмечено следующее.

«Согласно пункту 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности...

В части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, являются составной частью ее правовой системы.

Настоящее дело представляет собой конфликт между правом на свободу выражения мнения и защитой репутации, а конвенционный стандарт, как указывает Европейский Суд по правам человека, требует очень веских оснований для оправдания ограничений дебатов по вопросам всеобщего интереса...

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, формально сославшись на то, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой 12 февраля 2004 г. на 872 заседании Комитета Министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации, а государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий, тем не менее не принял во внимание, что Российская Федерация как участник Конвенции признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами норм названной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября

³³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 ноября 2014 г. по делу № 16-КГ14-31. Доступ: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=623066 (дата обращения: 18.03.2017).

2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»).

Согласно пункту 1 статьи 10 Конвенции каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Как неоднократно также указывал Европейский Суд по правам человека, свобода выражения мнения, как она определяется в пункте 1 статьи 10 Конвенции, представляет собой одну из несущих основ демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. Свобода слова охватывает не только «информацию» или «идеи», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества».

Ценная для каждого свобода выражения мнения также представляет ценность для политических партий и их активных членов. Они представляют своих избирателей и защищают их интересы, рассматривают вопросы, которые их заботят. Таким образом, вмешательство в свободу выражения мнения политика, члена оппозиционной партии требует от суда наиболее острого контроля.

Так, Европейский Суд по правам человека, в частности в Постановлении по делу *Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации* от 11 февраля 2010 г., указал, что в отношении государственных служащих, действующих в официальном качестве, как и политиков, рамки допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Европейский Суд по правам человека также отмечает, что пункт 2 статьи 10 Конвенции дает мало возможностей для ограничения политических высказываний или дебатов по вопросам, представляющим всеобщий интерес. Кроме того, хотя нельзя сказать, что слова и поступки государственных служащих и политических деятелей в равной степени заведомо открыты для наблюдения, государственные служащие, находящиеся при исполнении обязанностей, подобно политикам, подпадают под более широкие пределы допустимой критики, чем частные лица (дело *Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации*, Постановление Европейского Суда по правам человека от 14 октября 2008 г.).

Пределы допустимой критики шире в отношении правительства, чем простого лица или даже политика. При демократическом режиме действия и бездействие правительства должны быть помещены под внимательный контроль со стороны не только законодательной и судебной власти, но также общественного мнения. Кроме того, доминирующее положение, которое оно занимает, делает необходимой демонстрацию сдержанности, когда встает вопрос об уголовном преследовании, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки и критику со стороны его противников.

Таким образом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации полагает, что

суды первой и апелляционной инстанций при разрешении дела не учли указанные выше правовые позиции Европейского Суда по правам человека, а также разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в связи с чем неправильно применили положения статей 151, 152, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁴.

Вышеупомянутое Определение является примером толкования Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ с учетом правовых позиций Европейского Суда по правам человека одновременно соответствующих положений Конвенции о защите прав и свобод человека и законодательства Российской Федерации, регулирующих вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Отменяя постановление президиума краевого суда, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ при рассмотрении в кассационном порядке дела № 18-КГ13-185 использовала в том числе следующую аргументацию.

«В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

[Согласно] неоднократно высказанной Европейским Судом по правам человека правовой позици[и] гарантируемое пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое судебное разбирательство должно интерпретироваться с учетом принципа правовой определенности, согласно которому пересмотр вступившего в законную силу судебного решения допускается лишь в исключительных случаях для исправления существенного (фундаментального) нарушения, допущенного при отправлении правосудия.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что по настоящему делу президиум... краевого суда отменил вступившее в законную силу апелляционное определение, которым спор разрешен по существу, руководствуясь исключительно лишь иной точкой зрения на оценку доказательств и обстоятельств дела»³⁵.

Здесь положения ГПК РФ, регулирующие вопросы отмены вступивших в законную силу судебных постановлений, также были истолкованы с учетом соответствующих правовых позиций Европейского Суда по правам человека.

Вопросам учета правовых позиций международных договорных органов при применении законодательства было посвящено разъяснение, сформулированное в постановлении Плену-

³³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2013 г. по делу № 10-КГ13-2. Доступ: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=574716 (дата обращения: 18.03.2017).

³⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 марта 2014 г. по делу № 18-КГ13-185. Доступ: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=584612 (дата обращения: 18.03.2017).

ма Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». В абзаце первом п. 3 Постановления предусматривается, что «[п]равовые позиции Европейского Суда учитываются *при применении законодательства Российской Федерации* [курсив мой. – Б.З.]. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней».

Как представляется, указанное разъяснение *mutatis mutandis* (с необходимыми изменениями и поправками, касающимися деталей) должно относиться и к возможности судов при применении законодательства Российской Федерации учитывать правовые позиции *иных* международных договорных органов, юрисдикцию которых признает наша страна.

Международные договоры, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, гарантируют минимальный уровень защиты прав и свобод. Вместе с тем ничто не мешает государству, принимая во внимание его ресурсы и возможности, в пределах его юрисдикции обеспечивать более высокий уровень защиты прав и свобод, нежели предусматриваемый международным договором. Это необходимо учитывать в ходе реализации в сфере внутрисударственных отношений правовых позиций международных договорных органов.

Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что «в соответствии со ст. 53 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], внутрисударственное право может установить более высокие и более обстоятельные стандарты по защите прав человека, чем это предусмотрено положениями

Конвенции и Протоколов к ней» (см., например, п. 34 Постановления от 16 февраля 2016 г. по делу *Евдокимов и другие против Российской Федерации*).

В рассматриваемом аспекте нельзя не отметить одно из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Согласно ему нужно «[о]братить внимание судов на то, что *законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека* в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях судам, руководствуясь статьей 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации» (п. 3 Постановления).

Поэтому, **правовая позиция, сформулированная в отношении положений международного договора Российской Федерации, гарантирующих минимальный уровень защиты прав и свобод человека, не должна учитываться судами, если законодательством Российской Федерации предусмотрен более высокий уровень защиты прав и свобод.**

Так ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует право на справедливое судебное разбирательство каждому «в случае спора о его *гражданских правах и обязанностях* или при предъявлении ему любого *уголовного обвинения*»³⁶. В свою очередь, ст. 46 Конституции РФ гарантирует право на судебную защиту, включающее право на справедливое судебное разбирательство³⁷, по всем категориям дел, не ограничиваясь спором о гражданских правах и обязанностях или уголовным обвинением. Любое лицо, обратившееся в суд, имеет право на справедливое судебное раз-

³⁶ Более подробно о толковании понятий «*гражданские права и обязанности*» и «*уголовное обвинение*» см., например, Руководство по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство (гражданско-правовой аспект)». Доступ: http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_RUS.pdf (дата обращения: 18.03.2017); Руководство по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект)». Доступ: http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_RUS.pdf (дата обращения: 18.03.2017).

³⁷ В силу п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 3 марта 2015 г.) «[в] соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Учитывая это конституционное положение, а также положение ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на судебную защиту его прав и свобод, суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел».

бирательство независимо от того, о какой категории дел (споре) идет речь. Таким образом, ст. 46 Конституции РФ гарантирует право на справедливое судебное разбирательство в аспекте сферы действия этого права на более высоком уровне, чем положения ст. 6 Конвенции.

Подпункт «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает наличие *обоснованного подозрения* в качестве неотъемлемого основания для заключения лица под стражу, обвиняемого в совершении уголовно-наказуемого деяния. Европейский Суд по правам человека неоднократно обращал внимание на то, что при первоначальном заключении лица под стражу «обоснованное подозрение» *само по себе* может являться достаточным основанием для оставления подозреваемого под стражей³⁸. Но согласно взаимосвязанным положениям ч. 1 ст. 97 и ст. 108 УПК РФ для заключения лица под стражу наряду с обоснованным подозрением необходимо наличие достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый скроются от дознания, предварительного следствия или суда, и (или) могут продолжать заниматься преступной деятельностью, и (или) могут угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу³⁹. Таким образом, как представляется, в рассматриваемом случае уровень защиты права лица на свободу и личную неприкосновенность, предусматриваемый уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, выше, чем уровень защиты, гарантируемый ст. 5 Конвенции.

Согласно ч. 2 ст. 281 УПК РФ «[п]ри неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, в случаях:

- 1) смерти потерпевшего или свидетеля;

- 2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;

- 3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда;

- 4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд;

- 5) если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным».

При этом ч. 2¹ указанной статьи предусматривает, что в случаях, предусмотренных п. 2–5 ч. 2, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Таким образом, при отсутствии согласия подсудимого рассматриваемые процессуальные положения позволяют суду огласить показания потерпевшего или свидетеля, а также воспроизвести видеозапись или киносъемку следственных действий, произведенных с их участием, только в том случае, если в предыдущих стадиях производства по делу обвиняемый (подсудимый) имел возможность оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Суд не вправе огласить *любые* из вышеупомянутых показаний либо воспроизвести *каждую* видеозапись или киносъемку следственных действий.

В свою очередь, практика Европейского Суда по правам человека, Комитета по правам человека свидетельствует, что, как правило, указанные межгосударственные органы по защите прав и свобод человека признают нарушение права на справедливое судебное разбирательство, если в ходе судебного разбирательства без согласия подсудимого были оглашены показания потерпевшего или свидетеля, являющиеся практически единственными доказательствами вины

³⁸ Пункт 88 Постановления от 12 июня 2014 г. по делу Примов и другие против Российской Федерации.

³⁹ В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» разъясняется, что заключение под стражу не может быть избрано в качестве меры пресечения, если отсутствуют предусмотренные ст. 97 УПК РФ основания, а именно данные о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, либо продолжать заниматься преступной деятельностью, либо угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, либо уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

и которые подсудимый не мог оспорить на предыдущих стадиях производства⁴⁰.

Европейский Суд неоднократно отмечал, что «подпункт (d) пункта 3 статьи 6 закрепляет принцип, суть которого сводится к следующему: до того как обвиняемый может быть осужден, на публичном заседании в его присутствии должны быть представлены все доказательства против него, с тем чтобы соблюсти принцип состязательности. Исключения из этого принципа возможны, если они не нарушают права на защиту, которые требуют, чтобы подсудимому была предоставлена достаточная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля и произвести его допрос либо на момент дачи показаний, либо на более поздней стадии судебного разбирательства» (п. 123 Постановления от 5 ноября 2015 г. по делу *Чукаев против Российской Федерации*). «Дополнительно, что касается свидетелей... – продолжил Европейский Суд, – существуют два требования, основанные на этом принципе. Во-первых, должна иметься веская причина для неявки свидетеля. Во-вторых, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях человека, которого заявитель не мог допросить либо на этапе расследования, либо на этапе рассмотрения дела в суде, права защиты ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, предусмотренными [с]татьей 6... Если приговор основан исключительно или главным образом на показаниях отсутствующих свидетелей, Суд в каждом случае рассматривает вопрос о том, имеются ли уравнивающие факторы, включая меры, обеспечивающие справедливую и надлежащую оценку достоверности такого доказательства» (п. 124 Постановления от 5 ноября 2015 г. по делу *Чукаев против Российской Федерации*).

В свою очередь, указанные межгосударственные органы, как правило, при прочих равных условиях не признают нарушения права на справедливое судебное разбирательство, если вина подсудимого подтверждается несколькими оглашенными судом без согласия подсудимого показаниями свидетелей (потерпевших), часть из которых последний мог оспорить на предыдущих стадиях производства, а остальные – нет⁴¹.

Таким образом, положения ст. 281 УПК РФ в части обеспечения права подсудимого на справедливое судебное разбирательство в аспекте оглашения показаний свидетелей (потерпевших) предусматривают более высокий стандарт защиты соответствующего права, нежели стандарты, изложенные в подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав и свобод человека в толковании Европейского Суда по правам человека и в подп. «e» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах в толковании Комитета по правам человека.

Учет судами правовых позиций международных договорных органов при применении положений международного соглашения Российской Федерации, истолкованных этими органами, и учет судами правовых позиций международных договорных органов при применении законодательства Российской Федерации являются распространенными случаями в практике судов Российской Федерации. Вместе с тем нельзя исключать возможность учета правовых позиций международных договорных органов и в иных случаях, например при применении судом положений международного договора Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, регулирующих схожие вопросы, что и положения договора, которые ранее были истолкованы договорным органом.

В этом отношении нельзя не согласиться с разъяснением, данным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»: «[в]о избежание нарушения прав и свобод человека, в том числе необоснованного их ограничения, правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении не только Конвенции и Протоколов к ней, но и *иных* [курсив мой. – Б.З.] международных договоров Российской Федерации» (п. 4).

Возможность учета правовых позиций международного договорного органа при толковании законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров

⁴⁰ См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 марта 2016 г. по делу *Блохин против Российской Федерации*; соображения Комитета по правам человека от 31 марта 2016 г. по делу *Азимжан Аскарлов против Кыргызстана* и от 31 марта 2016 г. по делу *Ю.М. против Российской Федерации*.

⁴¹ См., например: постановления Европейского Суда по правам человека от 5 ноября 2015 г. по делу *Чукаев против Российской Федерации*. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158500> (accessed date: 18.03.2017); от 25 октября 2016 г. по делу *Иванников против Российской Федерации*. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-167798> (accessed date: 18.03.2017).

Российской Федерации, регулирующих схожие вопросы, что и ставшие предметом правовой позиции договорного органа, обуславливается, как представляется, автономностью существования правовых позиций: правовая позиция договорного органа, изначально сформулированная применительно к конкретному положению международного договора, получает собственную жизнь.

Одним из свидетельств автономности существования правовых позиций является тенденция, сложившаяся в настоящее время в сфере межгосударственных отношений: правовые позиции, выработанные одним международным договорным органом, используются другим договорным органом при рассмотрении схожих вопросов, тем самым правовые позиции, первоначально сформулированные по отношению к одному международному договору, используются при толковании иного. Происходит взаимообогащение практик международных договорных органов, действующих на универсальном и региональном уровнях, что, по-видимому, не может не вести к выработке единых стандартов в сфере защиты прав и свобод человека. С целью эффективной защиты прав и свобод человека внутригосударственные суды не должны игнорировать эту тенденцию.

В ходе формулирования позиции по делу *Сергей Золотухин против Российской Федерации* Большая Палата Европейского Суда по правам человека обратилась к практике Межамериканского Суда по правам человека: «[п]ункт 4 статьи 8 Американской конвенции о правах человека предусматривает следующее: «Обвиняемый, оправданный не подлежащим апелляции решением суда, не может привлекаться к суду по этому же самому делу»... Межамериканский [С]уд по правам человека дал следующее толкование этого положения («*Лоайса Тамайо против Перу*»...⁴² 17 сентября 1997 г... § 66): «Этот принцип предусмотрен для защиты прав лиц, судимых за конкретные факты, от предания новому суду по тому же делу. В отличие от формулы, использованной в других международных инструментах⁴³ защиты прав человека (например, пункт 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, который

ссылается на «то же преступление»), Американская конвенция о правах человека 1969 г. использует выражение «то же дело», которое является намного более широким понятием, отвечающим интересам жертвы» (п. 39–40 Постановления от 10 февраля 2009 г. по делу *Сергей Золотухин против Российской Федерации*).

Практика международных договорных органов, действующих на универсальном уровне, как правило, соответствует деятельности договорных органов, функционирующих на региональном уровне, когда предметом рассмотрения являются одни и те же (схожие) права и свободы человека. Вместе с тем в отдельных случаях можно наблюдать несоответствие между практиками этих органов.

Как известно, последовательный подход Европейского Суда заключается в том, что в отсутствие существенных нарушений в ходе предыдущего разбирательства несогласие стороны с мнением судов первой инстанции не является обстоятельством существенного и неотложного характера, требующим отмены вступившего в силу решения и возобновления разбирательства по делу заявителя⁴⁴. По мнению Суда, неправильное применение норм материального права судами первой инстанции само по себе не оправдывает отмену в надзорном порядке вступивших в законную силу и подлежащих исполнению решений суда, даже если отмена была осуществлена в пределах годичного срока, предусмотренного национальным законодательством. Цель единообразия национальной правоприменительной практики может быть достигнута за счет разных законодательных и судебных средств, но она не оправдывает пренебрежения законной уверенностью заявителей в принципе правовой определенности⁴⁵.

При рассмотрении дела *Юрий Большаков против Российской Федерации* Комитет по правам человека установил, что городской суд вынес свое решение 28 апреля 2006 г. Ответчик, являющийся государственным органом, не подал кассационную жалобу в установленные сроки. Через три с лишним месяца 15 сентября 2006 г. ответчик ходатайствовал о рассмотрении этого дела в порядке надзора в областном суде, который удовлетворил это ходатайство и менее чем

⁴² URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_33_ing.pdf (accessed date: 18.03.2017).

⁴³ Речь идет о международных договорах.

⁴⁴ Пункт 20 Постановления Европейского Суда от 18 февраля 2010 г. по делу *Николай Зайцев против Российской Федерации*.

⁴⁵ Пункт 20 Постановления Европейского Суда от 20 мая 2010 г. по делу *Гарагуля против Российской Федерации*.

через месяц 13 октября 2006 г. отменил решение городского суда. Жалоба автора сообщения о пересмотре постановления областного суда в порядке надзора в Верховном Суде РФ была отклонена. Решение городского суда было отменено на основании неверного толкования внутреннего законодательства в течение шести месяцев с момента принятия этого решения. Автор сообщения не утверждал, что судебное разбирательство в порядке надзора не соответствовало действовавшим в 2006 г. процессуальным требованиям, предусмотренным внутренним законодательством. Кроме того, Комитет отметил, что автор не представил никаких доказательств, подтверждающих нарушение принципа состязательности процесса или равенства состязательных возможностей в ходе разбирательства в порядке надзора. С учетом конкретных обстоятельств этого дела Комитет постановил, что установленные им обстоятельства не могут свидетельствовать об отходе в справедливом и незамедлительном определении отстаиваемых автором прав. Комитет пришел к выводу о том, что права автора, предусмотренные в п. 1 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах, нарушены не были⁴⁶.

Можно предположить, что если бы вопрос, рассмотренный Комитетом по правам человека, стал бы предметом индивидуальной жалобы в Европейский Суд по правам человека, то последний с учетом сложившейся практики мог бы констатировать нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Применение судами Российской Федерации законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации с учетом правовых позиций международных договорных органов не должно приводить к нарушению положений Конституции РФ в интерпретации Конституционного Суда РФ.

Так, по делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413

УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Конституционный Суд РФ постановил:

«Признать взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации *не противоречащими Конституции Российской Федерации*, поскольку на основании данных положений по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

обеспечиваются применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы и исполнение принимаемых на основе Конвенции постановлений Европейского Суда по правам человека, выступающего в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа по конкретным делам в случаях, если исчерпаны все конституционно установленные внутригосударственные средства судебной защиты;

суд общей юрисдикции, арбитражный суд при рассмотрении в установленном процессуальном законодательством порядке дела в связи с принятием Европейским Судом по правам человека постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона; *во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющие производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязаны приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации;*

государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, – придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие

⁴⁶ Пункт 8.3 Соображений Комитета по правам человека от 15 октября 2014 г. по делу *Юрий Большаков против Российской Федерации*. Доступ: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1886> (accessed date: 18.03.2017).

того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, – правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для решения вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции;

в случае если Конституционный Суд Российской Федерации придет к выводу, что постановление Европейского Суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению;

Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, – поскольку на них возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, – придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о толковании соответствующих положений Конституции Российской Федерации в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод»⁴⁷.

Правовые позиции международных договорных органов формулируются (либо вновь упоминаются) по делам, рассмотренным не только в отношении Российской Федерации, но и в отношении иных государств. Принимая во внимание прецедентный характер правовых позиций, они должны учитываться судами Российской Федерации. Вместе с тем необходимо всегда иметь в виду обстоятельства дела, обусловившие формулирование договорным органом той или иной правовой позиции.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» судам было дано разъяснение о значении правовых позиций, сформулированных Европейским Судом в ходе рассмотрения дел *в отношении третьих государств*: «Как следует из положений статьи 46 Конвенции, статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»... правовые позиции Европейского Суда по правам человека... которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда» (п. 2).

Конституционный Суд РФ при формулировании своей позиции по делу учитывает практику международных договорных органов в отношении третьих государств.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» было указано:

⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Доступ: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision201896.pdf> (дата обращения: 18.03.2017).

«принципиальное значение имеют положения статьи 13 (части 1, 3 и 4) Конституции Российской Федерации, согласно которым в Российской Федерации признаются идеологическое и политическое многообразие и равенство общественных объединений перед законом, а также статьи 30 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантирующей свободу деятельности общественных объединений. Во взаимосвязи со статьями 19 (часть 1), 28, 29 (части 1, 3 и 4), 31, 32 (часть 1) и 33 Конституции Российской Федерации они позволяют сделать вывод, что некоммерческие организации (включая общественные объединения), получающие денежные средства от иностранных источников, вправе участвовать в политической деятельности на одних и тех же юридических условиях вне зависимости от их отношения к принимаемым органами государственной власти решениям и проводимой ими политике.

Из этого исходит и Всеобщая декларация прав человека, согласно которой каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их (статья 19); при этом он должен обладать данным правом, без какого бы то ни было различия. В том числе в отношении характера политических и иных убеждений (статья 2). Схожим образом и Международный пакт о гражданских и политических правах признает, что каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их (пункты 1 и 2 статьи 19). Комитет по правам человека, опираясь на положения статьи 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, отмечает, что право на свободу ассоциации не только связано с правом создания ассоциаций, но и гарантирует право беспрепятственного осуществления ассоциацией своей деятельности, особо подчеркивая, что существование и деятельность ассоциаций, в том числе тех, которые мирным путем пропагандируют идеи, не обязательно положительно воспринимаемые правительством или большинством населения, есть краеугольный камень демократического общества (Соображения от 31 октября 2006 года относительно Сообщения № 1274/2004 Виктор Корнеенко и др. против Беларуси)⁴⁸.

В рассмотренном случае Конституционный Суд РФ учел правовые позиции Комитета по правам человека, изложенные в Соображениях, принятых в отношении Республики Беларусь.

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2015 г. по делу № 305-ЭС14-2110 были отражены правовые позиции Европейского Суда по правам человека, изложенные им в решениях, принятых в отношении третьих государств: «[т]ребования законности, обоснованности, мотивированности, окончательности судебного акта в полной

мере распространяются на акты третейских судов исходя из их нацеленности на установление правовой определенности в спорных отношениях и определения справедливого баланса прав спорящих сторон. О распространении стандартов правосудия на третейское разбирательство неоднократно указывали высшие судебные органы Российской Федерации и Европейский [С]уд по правам человека... постановления Европейского [С]уда по правам человека от 13.11.2007 *Driza v. Albania*, от 22.10.1984 *Sramek v. Austria*...»⁴⁹

Верховный Суд РФ в периодических обзорах судебной практики доводит до сведения нижестоящих судов правовые позиции не только Европейского Суда по правам человека, сформулированные им по делам в отношении Российской Федерации, но и, как было отмечено выше⁵⁰, позиции *иных* международных органов, изложенные в решениях по делам, рассмотренным как в отношении Российской Федерации, так и *третьих государств*⁵¹.

В настоящее время на официальном сайте Европейского Суда по правам человека действует русскоязычная версия базы данных HUDOC, в которой содержатся постановления Европейского Суда, принятые в отношении как Российской Федерации, так и иных государств – членов Совета Европы. Суды Российской Федерации могли бы использовать данную систему⁵². В связи с этим в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» было дано разъяснение, согласно которому с целью ознакомления с текстами постановлений на русском языке, принятых Европейским Судом как в отношении Российской Федерации, так и в отношении иных стран – участников Конвенции, судам рекомендовали использовать в том числе поисковую систему Европейского Суда HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng>).

Соображения (мнения) международных договорных органов ООН находятся на официальных сайтах этих органов (<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>).

⁴⁸ Доступ: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision158063.pdf> (дата обращения: 18.03.2017).

⁴⁹ Доступ: http://supcourt.ru/stor_pdf_ec.php?id=1243694. (дата обращения: 18.03.2017).

⁵⁰ См. вышеупомянутое апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 8 июля 2015 г. по делу № 33-23802.

⁵¹ См., например, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2013 г. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 ноября 2013 г.; за третий квартал 2013 г. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г.; за четвертый квартал 2013 г. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 г.

⁵² Доступ: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/rus>. (дата обращения: 18.03.2017).

Классификация правовых позиций международных договорных органов⁵³

Правовые позиции международных договорных органов *в зависимости от того, к материальным правовым или процедурным правовым положениям международного договора они сформулированы, соответственно можно разделить на материальные и процедурные.*

А. Материальные правовые позиции позволяют надлежащим образом истолковать материальные положения международного договора⁵⁴ в части, регулирующей, например, права и свободы человека, если речь идет о договоре, действующем в сфере прав и свобод. Например, определить нормативное содержание правоотношения, предметом которых являются права и свободы человека, а также содержание используемых в договоре понятий (терминов).

Примерами правовых позиций, раскрывающих *нормативное содержание правоотношений*, являются следующие позиции.

«Относительно жалобы по пункту 1 статьи 10 [Пакта⁵⁵] Комитет вновь заявляет, что лица, лишённые свободы, не должны испытывать иных лишений и тягот помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что необходимо соблюдать их право на гуманное обращение и на уважение их достоинства»⁵⁶ (п. 8.8 Соображений Комитета по правам человека от 23 июля 2014 г. по делу *Мессауд Бузериб против Алжира*).

«Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 25 Конвенции⁵⁷ инвалиды имеют право на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности, ввиду чего государства-участники обязаны принимать все надлежащие меры для обеспечения доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, в том числе к реабилитации. Кроме того, в статье 26 предусмотрено, что государства-участники принимают эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы наделить инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полной реализации физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни, в том числе с помощью комплексных реабилитационных и реабилитационных услуг и программ, причем таким образом, чтобы эти программы и услуги начинали реализовываться как можно раньше и были ос-

нованы на многопрофильной оценке нужд и сильных сторон индивида. В свете этих положений, рассматриваемых совместно с пунктом 2 статьи 14, Комитет напоминает, что государства-участники несут особую ответственность в этой связи ввиду той степени контроля и власти, который тюремная администрация осуществляет над инвалидами, лишёнными свободы по решению суда» (п. 8.9 Соображений Комитета по правам инвалидов от 11 апреля 2014 г. по делу *Х. против Аргентины*).

«[С]татья 2 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] обязывает государство не только воздерживаться от умышленных и незаконных действий по лишению жизни, но также принимать целесообразные меры по защите жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией... Прежде всего, это обязательство требует от государства обеспечивать право на жизнь за счет положений эффективного уголовного законодательства для удержания от совершения преступлений против личности, которые подкреплены правоохранительной системой для предупреждения, пресечения и наказания за нарушение таких положений. Однако при определенных обстоятельствах оно также предполагает наличие позитивного обязательства со стороны властей по принятию оперативных мер по защите лица, жизни которого угрожают преступные действия другого лица» (п. 218 Постановления Европейского Суда по правам человека от 7 января 2010 г. по делу *Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации*).

«Что касается тяжести актов жестокого обращения, Европейский Суд напомнил, что для определения того, являлась ли конкретная форма ненадлежащего обращения пыткой, необходимо принять во внимание различия, закрепленные в статье 3 Конвенции, между понятием пытки и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Очевидно, существовало намерение путем проведения такого различия особо выделить в Конвенции случаи бесчеловечного обращения, причиняющие очень серьезные и жестокие страдания» (п. 55 Постановления Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 г. по делу *Менешева против Российской Федерации*).

«Европейский Суд неоднократно отмечал, что статья 3 предусматривает одну из основополагающих ценностей демократического общества. Даже в самых сложных обстоятельствах, как, например, борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция в абсолютной форме запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. В отличие от большинства материальных положений Конвенции и Протоколов к ней, статья 3 не предусматривает исключений, и статья 15 не допускает ее частичной отмены в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации... Жестокое обращение должно достигать минимального уровня суровости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Оценка этого минимума является относительной: она за-

⁵³ Автор не претендует на исчерпывающий перечень оснований для классификации правовых позиций международных договорных органов.

⁵⁴ В рамках настоящей публикации под *материальными положениями международного договора* понимаются положения, которые непосредственно адресованы государствам – участникам этого соглашения, то есть раскрывают содержание их международно-правовых обязательств.

⁵⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах.

⁵⁶ См.: Замечание общего порядка № 21 (1992) о праве лиц, лишённых свободы, на гуманное обращение, п. 3; сообщения № 1779/2008, *Мезин против Алжира*, п. 8.8; № 1780/2008, *Зарзи против Алжира*, Соображения от 22 марта 2011 г., п. 7.8, и № 1134/2002; *Горджи-Динка против Камеруна*, Соображения от 17 марта 2005 г., п. 5.2.

⁵⁷ Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником данного международного договора.

висит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и (или) психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего» (п. 59 Постановления Европейского Суда по правам человека от 16 января 2014 г. по делу *Архестов и другие против Российской Федерации*).

«Гарантии статьи 7 Конвенции⁵⁸ являются существенным элементом верховенства закона и занимают видное место в конвенционной системе защиты, что подчеркивается тем фактом, что отступления от них в соответствии со статьей 15 Конвенции в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах не допускаются. Они должны толковаться и применяться, как следует из предмета и цели статьи, для обеспечения эффективных гарантий против произвольного преследования, осуждения и наказания» (п. 76 Постановления Европейского Суда по правам человека от 14 марта 2013 г. по делу *Касымахунов и Сайбатов против Российской Федерации*).

Ниже приводятся примеры правовых позиций, раскрывающих содержание используемых в международных договорах Российской Федерации понятий (*терминов*).

«[П]онятие частной жизни включает в себя аспекты, связанные с самоидентификацией, такие как имя человека и его образ. Образ человека представляет собой одно из основных качеств личности, поскольку отражает уникальные характеристики человека и отличает его от остальных людей. Право на защиту своего образа, таким образом, является одним из значимых компонентов персонального развития. В основном такое право предполагает право человека на контроль за использованием своего образа, в том числе на отказ от его публичного распространения» (п. 40 Постановления Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 2013 г. по делу *Хмель против Российской Федерации*).

«Европейский Суд последовательно толковал понятие «жилища», содержащееся в пункте 1 статьи 8 Конвенции, как охватывающее частные жилища лиц и помещения для профессиональной деятельности» (п. 29 Постановления Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2009 г. по делу *Колесниченко против Российской Федерации*).

«Что касается понятия семейной жизни, Европейский [С]уд напоминает, что согласно его прецедентной практике понятие семьи в значении статьи 8 Конвенции включает в себя не только зарегистрированные супружеские отношения, но и другие «семейные» связи, которые предусматривают, что их участники живут совместно вне законного брака» (п. 69 Постановления Европейского Суда по правам человека от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).

Материальные правовые позиции могут касаться собственно *материальных прав и свобод* в узком смысле, например права на жизнь, права не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению, права на свободу и личную неприкосновенность, права на свободу выражения мнения, свободу ассоциации и *процессуальных прав*⁵⁹, например права на справедливое судебное разбирательство, права дважды не привлекаться к уголовной ответственности за одно и то же деяние. Представляется возможным отнести соответствующие позиции к *материально-процессуальным правовым позициям*⁶⁰.

Примерами правовых позиций, касающихся собственно материальных прав и свобод, являются вышеприведенные позиции Европейского Суда о содержании понятий *частной жизни, жилища и семейной жизни*, предусмотренных в ст. 8 Конвенции о защите прав и свобод человека.

Примерами *материально-процессуальных правовых позиций* договорных органов по толкованию *процессуальных прав* являются следующие правовые позиции.

«Специальные гарантии, установленные в пункте 3 статьи 6 Конвенции, дают примеры понятия справедливого судебного разбирательства относительно основных процессуальных ситуаций, возникающих в уголовных делах, но их основной целью всегда является обеспечение или способствование обеспечению справедливости разбирательства при рассмотрении уголовных дел в целом. Таким образом, гарантии, закрепленные в пункте 3 статьи 6 Конвенции, не заключаются сами в себе, и, соответственно, они должны толковаться в свете функций, которые они имеют в общем контексте судебного разбирательства» (п. 77 Постановления Европейского Суда по правам человека от 20 января 2005 г. по делу *Майзит против Российской Федерации*).

«Европейский Суд напоминает, что статья 6 Конвенции как таковая гарантирует право обвиняемого на эффективное участие в уголовном процессе. Понятие «эффективного участия» в уголовном процессе включает право делать записи с тем, чтобы содействовать осуществлению защиты независимо от того, представляет ли обвиняемого адвокат. Действительно, интересам защиты обвиняемого наилучшим образом может служить помощь обвиняемого, которую он оказывает в ведении дела своему адвокату до того,

⁵⁸ В силу ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. «[н]икто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. 2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо действия или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

⁵⁹ Предполагается, что речь идет о процессуальных правах и свободах лица, предусматриваемых материальными положениями международного договора.

⁶⁰ Условный термин.

как даст показания» (п. 214 Постановления Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2008 г. по делу *Моусеев против Российской Федерации*).

«[П]резумпция невиновности нарушается, если судебный акт или заявление публичного должностного лица относительно обвиняемого в совершении преступления отражает мнение о том, что он виновен, до того, как его вина установлена в соответствии с законом. Даже в отсутствие формального вывода может быть достаточно указания в мотивировочной части, позволяющего предположить, что суд или должностное лицо считает обвиняемого виновным. Коренное различие должно разделять предположение о том, что некто лишь подозревается в совершении преступления, и прямое заявление, до признания виновности судом, о том, что лицо совершило указанное преступление. Европейский Суд последовательно подчеркивал важность выбора выражений публичными должностными лицами в их заявлениях, сделанных до того, как лицо осуждено и признано виновным в совершении конкретного преступления» (п. 94 постановления Европейского Суда по правам человека от 23 октября 2008 г. по делу *Хужин и другие против Российской Федерации*).

Нельзя не отметить, что положения договора могут предусматривать отдельные *процессуальные гарантии* материальных прав и свобод, например гарантии законности и обоснованности лишения лица свободы (право на свободу и личную неприкосновенность). Представляется, что правовые позиции договорного органа по толкованию таких процессуальных гарантий также можно было бы отнести к *материально-процессуальным*. Приведем примеры.

«Комитет напоминает, что понятие «произвольность», использованное в пункте 1 статьи 9 [Пакта⁶¹], нельзя отождествлять с «противозаконностью», оно должно толковаться более широко и включать элементы неуместности, несправедливости, непредсказуемости и ненадлежащего соблюдения процессуальных норм⁶². Содержание под стражей в процессе разбирательства в делах об иммиграционном контроле само по себе не является произвольным, однако такое содержание под стражей должно быть обосновано как разумное, необходимое и соразмерное в свете имеющихся обстоятельств и с течением времени пересматриваться. Принимаемое решение должно учитывать соответствующие факторы и принимать во внимание наличие менее принудительных мер достижения тех же самых целей, таких, например, как обязанность постанов-

ки на учет, поручительство или другие меры, препятствующие побегу. Кроме того, оно должно подлежать периодической переоценке и пересмотру в судебном порядке в соответствии с пунктом 4 статьи 9⁶³. Комитет также напоминает о том, что пунктом 2 статьи 9 предусмотрено, что каждому арестованному при аресте должны сообщаться причины его ареста и что это требование не ограничивается арестом только в связи с предъявлением уголовных обвинений»⁶⁴ (п. 10.3 Соображений Комитета по правам человека от 1 ноября 2013 г. по делу *Зейд Халаф Хамади эль-Гертани против Боснии и Герцеговины*).

«[Ф]раза «предусмотрено законом» не только требует соответствия национальному законодательству, но также затрагивает качество закона, требуя от него соответствия принципу верховенства права. В контексте негласного контроля со стороны публичных органов, в данном случае органов внутренних дел, законодательство страны должно предусматривать гарантии от произвольного вмешательства в права лица, гарантированные статьей 8 Конвенции. Кроме того, закон должен быть сформулирован в достаточно ясных выражениях, чтобы давать адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых публичные органы вправе прибегнуть к таким негласным операциям» (п. 76 Постановления Европейского Суда по правам человека от 10 марта 2009 г. по делу *Быков против Российской Федерации*).

«[О]тсутствие непосредственной ответственности государства за акты насилия, достигающие такой степени суровости, которая позволяет ставить вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции, не освобождает государство от его обязательств, вытекающих из этого положения. Возникающая из статьи 1 Конвенции обязанность Высоких Договаривающихся Сторон обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции обязывает государства принимать меры, обеспечивающие, чтобы лица, относящиеся к их юрисдикции, не подвергались пытке или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, включая жестокое обращение, осуществляемое частными лицами» (п. 98 Постановления Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 2009 г. по делу *Денис Васильев против Российской Федерации*).

«[П]одпункты «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции содержат исчерпывающий перечень оснований лишения свободы, которое может считаться законным, только если подпадает под одно из этих оснований... Однако применимость одного основания необязательно исключает применимость другого, и содержание под стражей может быть в зависимости от обстоятельств оправданным более чем одним подпунктом этого положения» (п. 66 Постановления Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2012 г.

⁶¹ Согласно п. 1 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах «[к]аждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом».

⁶² См. сообщения: № 1134/2002, *Горджи-Динка против Камеруна*, Соображения, принятые 17 марта 2005 г., п. 5.1; № 305/1988, *Ван Альпен против Нидерландов*, Соображения, принятые 23 июля 1990 г., п. 5.8.

⁶³ См. сообщения № 2094/2011, *Ф.К.А.Г. и др. против Австралии*, Соображения, принятые 26 июля 2013 г., п. 9.3, и 2136/2012, *М.М.М. и др. против Австралии*, Соображения, принятые 25 июля 2013 г., п. 10.3.

В силу п. 4 ст. 9 Пакта «[к]аждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно».

⁶⁴ *Ф.К.А.Г. и др. против Австралии*, п. 9.5, и *М.М.М. и др. против Австралии*, п. 10.5.

по делу *Прошкин против Российской Федерации*).

«[Судебное разбирательство по вопросу содержания лица под стражей требует особого усердия, а статья 5 Конвенции не содержит явного указания на право на правовую помощь в этом отношении. Различие в целях объясняет, почему статья 5 Конвенции содержит более гибкие процессуальные требования, чем статья 6 Конвенции, хотя предъявляет гораздо более жесткие требования к скорости (процесса). Поэтому, как правило, судья может решить не ждать, пока заключенный воспользуется правовой помощью, и власти не обязаны предоставлять заключенному бесплатную правовую помощь в рамках разбирательства по вопросу содержания под стражей» (п. 84 постановления Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2007 г. по делу *Лебедев против Российской Федерации*).

Б. В отличие от материальных правовых позиций *процедурные правовые позиции* позволяют надлежащим образом истолковать положения международного договора в части, регулирующей *процедурные отношения*⁶⁵, которые касаются непосредственно деятельности договорного органа, например, в аспекте реализации принципа субсидиарности, в том числе по вопросам: толкования международного соглашения, во исполнение которого создан договорный орган; восстановления договорным органом нарушенных прав и свобод; оценки договорным органом представляемых сторонами доказательств, включая доказательства, ранее ставшие предметом оценки внутригосударственного суда.

Положения, касающиеся признания договорным органом приемлемым (неприемлемым) индивидуального сообщения (жалобы), также регулируют процедурные отношения и, как следствие, относятся к процедурным положениям договора. Так, в силу ст. 2 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах при условии соблюдения положений ст. 1 лица, которые утверждают, что какое-либо из их прав, перечисленных в Пакте, было нарушено, и которые исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, могут представить на рассмотрение Комитета по правам человека письменное сообщение. Статья 3 Протокола предусматривает, что Комитет может признать неприемлемым любое представленное в соответствии с данным Протоколом сообщение, которое является анонимным или которое, по его мнению, представляет собой злоупотребление правом на представление таких сообщений или несовместимо с положениями Пакта⁶⁶.

«Комитет [по правам человека] напоминает о своей правовой практике, в соответствии с которой оценка фактов и доказательств в каждом конкретном случае и применение внутреннего законодательства государств-участников составляют прерогативу их судов, если только не будет доказано, что такие оценка или применение были явным образом произвольными или равносильными очевидной ошибке или отказу в правосудии (п. 4.3 Решения Комитета по правам человека от 28 октября 2014 г. по делу *Хосе Антонио Каньяда Мора против Испании*).

«Согласно... прецедентной практике [Европейского Суда] доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных непровергнутых фактических презумпций. Кроме того, степень обоснованности, необходимой для конкретного вывода и, в этой связи, распределение бремени доказывания неразрывно связаны со спецификой фактов, природой предположений и рассматриваемым правом, предусмотренным Конвенцией. Суд также со всей серьезностью относится к решению о том, что Договаривающаяся Сторона нарушила основополагающие права» (п. 94 постановления Европейского Суда по правам человека от 3 июля 2014 г. по делу *Грузия против Российской Федерации (II)*).

Хотя процедурные правовые позиции относятся собственно к деятельности того или иного международного договорного органа, эти позиции *mutadis mutandis* могли бы учитываться внутригосударственными судами исходя из принципа субсидиарности, к примеру, при оценке доказательств нарушения права лица на жизнь или права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению и при разрешении вопроса восстановления нарушенных прав и свобод.

Рассматривая процедурные правовые позиции нельзя не упомянуть правовые позиции международных договорных органов, выработанные ими по вопросам принципов и правил толкования применяемых международных договоров. Эти правовые позиции также можно было бы отнести к *процедурным*.

Принципы и правила толкования международных договоров предусматриваются в общепризнанных международных правовых актах, в частности в Венской конвенции. Указанные принципы и правила в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются обязательными для судов Российской Федерации. Поэтому правовые позиции договорных органов, включая позиции Европейского Суда по правам человека, сформулированные ими по вопросам толкования Конвенции о защите прав и свобод человека и иных международных договоров Российской Федерации,

⁶⁵ В этой связи можно говорить о *процедурных положениях международного договора*.

⁶⁶ URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/v999.pdf> (accessed date: 18.03.2017).

не могут не учитываться судами Российской Федерации.

Далее приводятся примеры правовых позиций, выработанных договорными органами в части реализации ими принципов и правил толкования международных договоров.

«Европейский Суд никогда не рассматривал положения Конвенции как единственный источник для толкования прав и свобод, предусмотренных ею... Он указывал, что один из основных принципов применения положений Конвенции заключается в том, что он не применяет их в вакууме... В качестве международного договора Конвенция должна толковаться с учетом правил толкования, содержащихся в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.» (п. 273 Постановления от 7 января 2010 г. по делу *Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации*).

«В соответствии с этой Конвенцией, Европейский Суд должен установить обычное значение, придаваемое словам в их контексте и с учетом объекта и цели положения, в котором они содержатся... Европейский Суд должен принять во внимание, что контекст положения принадлежит договору, направленному на эффективную защиту индивидуальных прав человека, и что Конвенция должна восприниматься как единое целое и толковаться таким образом, чтобы обеспечивать внутреннюю согласованность и гармонию различных ее положений... Следует также учитывать относимые правила и принципы международного права, применимые в отношениях между Договаривающимися Сторонами, и Конвенция должна, насколько это возможно, толковаться в гармонии с иными нормами международного права, частью которого она является» (п. 274 Постановления от 7 января 2010 г. по делу *Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации*).

«Наличие европейского консенсуса является дополнительным соображением, имеющим значение для определения объема пределов усмотрения государства-ответчика... Если имеется общий стандарт, которому государство-ответчик не удовлетворяет, это может быть относимым соображением для Европейского Суда при толковании положений Конвенции в конкретных решениях» (п. 65 Постановления от 10 марта 2011 г. по делу *Кюэтин против Российской Федерации*).

«Европейский Суд последовательно указывал, что учитывает применимые международные акты и доклады с целью толкования гарантий Конвенции и установления наличия общего стандарта в этой сфере. Европейский Суд вправе решать, какие международные акты и доклады должны считаться относимыми и какое значение им следует придавать» (п. 67 Постановления от 10 марта 2011 г. по делу *Кюэтин против Российской Федерации*).

В зависимости от объекта толкования правовые позиции международных договорных органов можно подразделить на позиции, касающиеся толкования собственно положений международного договора, во исполнение которого и были созданы указанные органы (*договор-*

но-интерпретационные правовые позиции, или договорные правовые позиции), и правовые позиции, сформулированные этими органами по поводу отдельных положений законодательства или состояния правоприменительной практики конкретного государства – участника международного договора (*индивидуализированные (конкретизированные) правовые позиции*)⁶⁷.

А. Правовые позиции первого вида могут быть использованы договорными органом при рассмотрении схожего дела в отношении любого государства, а второго вида – при рассмотрении аналогичного дела в отношении одной и той же страны. Вместе с тем не исключается возможность использовать индивидуализированную правовую позицию и в отношении другого государства, если в нем есть аналогичное законодательство или сложилась похожая правоприменительная практика, которые ранее уже являлись предметом исследования договорного органа и формирования его правовой позиции.

Примерами договорно-интерпретационных правовых позиций являются вышеприведенные *материальные, включая материально-процессуальные, правовые позиции и процедурные правовые позиции*.

Б. Ниже приводятся примеры *индивидуализированных правовых позиций*.

«Проверка по заявлению о преступлении»⁶⁸ сама по себе не может привести к наказанию ответственных за пытки, так как возбуждение уголовного дела и уголовное расследование являются предварительными условиями предъявления обвинений предполагаемым правонарушителям, которые затем могут быть рассмотрены судом» (п. 135 Постановления Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2014 г. по делу *Ляпин против Российской Федерации*).

«Суд... постановил, что современное состояние российского деликтного права не позволяет лицу, не оправданному от уголовных обвинений, выдвинутых против него, получить компенсацию за предварительное заключение, осуществленное в нарушение статьи 5 Конвенции» (п. 17 Постановления Европейского Суда по правам человека от 13 ноября 2014 г. по делу *Шаля против Российской Федерации*).

В случае изменения законодательства государства, практики его применения индивидуализированная правовая позиция может быть изменена договорным органом.

Так, например, в связи с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизвод-

⁶⁷ Наименование данного вида правовых позиций является условным.

⁶⁸ В рамках ст. 144 УПК РФ (Уголовно-процессуального кодекса РФ).

ство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» Европейский Суд пришел к выводу, что в настоящее время в рамках правовой системы Российской Федерации имеется эффективное средство правовой защиты права лица на разумные сроки судебного разбирательства по гражданским и уголовным делам, а также права на исполнение судебного акта в разумный срок⁶⁹.

При рассмотрении дела *Ножков против Российской Федерации* Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 19 февраля 2013 г. отметил, что он «учитывает наличие нового средства правовой защиты, введенного федеральными законами № 68-ФЗ и 69-ФЗ⁷⁰ после пилотного Постановления, принятого по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)»... Эти законы, принятые 4 мая 2010 г., учредили новое средство правовой защиты, позволяющее заинтересованным лицам требовать компенсации ущерба, причиненного чрезмерной длительностью разбирательства или задержкой исполнения вступившего в силу судебного решения»⁷¹.

Хотя ранее, при рассмотрении целого ряда дел Европейский Суд обращал внимание на то, что в правовой системе Российской Федерации отсутствовало эффективное внутреннее средство правовой защиты, превентивное или компенсаторное, обеспечивавшее адекватное и достаточное возмещение в связи с длительным неисполнением судебных решений, вынесенных против государства или его органов (см., например, п. 117 Постановления от 15 января 2009 г. по делу *Бурдов против Российской Федерации (№ 2)*)⁷².

При рассмотрении дела *Абрамян и Якубовские против Российской Федерации* (Решение от 12 мая 2015 г.) Европейский Суд установил, что новая процедура кассационного обжалования, предусмотренная ГПК РФ в ред. Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ, вступившего в силу с 1 января 2012 г. (далее – Закон № 353-ФЗ), позволяет сторонам подавать жалобы на нарушения Конвенции во внутригосударственные органы власти, включая Верховный Суд, и искать

в них судебной защиты. Европейский Суд, рассмотрев различные аспекты новой процедуры кассационного обжалования, предусмотренной ГПК РФ, с изменениями, внесенными Законом № 353-ФЗ, пришел к выводу, что «у него больше нет причин считать, что данная процедура имеет неоднозначные основания возобновления судебного разбирательства по делу, и вместе с тем она соответствует нормам, регулирующим основания обжалования, установленным и в других государствах – участниках Конвенции (см. для сравнения... решения Европейского Суда по делу «Тумилович против России», «Денисов против России» и «Мартынец против России»). Таким образом, Суд считает целесообразным и обоснованным требовать от любого лица, которое намеревается подать жалобу в связи с нарушением его прав, предусмотренных Конвенцией, сперва воспользоваться средствами правовой защиты, предлагаемыми новой процедурой кассационного обжалования»⁷³.

В зависимости от источника закрепления правовые позиции международных договорных органов можно подразделить на позиции, излагаемые в индивидуальных решениях, т.е. в решениях, принимаемых договорными органами по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений (жалоб), и на позиции, излагаемые в отдельных обобщениях. Обобщения содержат комментарий договорного органа положений международного договора, во исполнение которого был создан орган.

А. *Индивидуальные решения*⁷⁴ по-разному именуются в международных договорных органах. Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам и Комитет по правам инвалидов принимают *решения* о неприемлемости и *соображения*, то есть решения по существу вопроса. Комитет по ликвидации расовой дискриминации и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин выносят *решения* о неприемлемости, а также *мнения (соображения)* – по существу вопроса. Европейский Суд

⁶⁹ За исключением дел, связанных с неисполнением или несвоевременным исполнением судебных постановлений, предусматривающих обязательство в натуре, например обязанность выделить жилое помещение, совершить иные действия, не связанные с взысканием денежных средств (по состоянию на 1 мая 2017 г.).

⁷⁰ Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»». – СПС «КонсультантПлюс».

⁷¹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-116590> (accessed date: 18.03.2017).

⁷² URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90671> (accessed date: 18.03.2017).

⁷³ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155161> (accessed date: 18.03.2017).

⁷⁴ Здесь категория «*решение*» используется в качестве родового понятия.

по правам человека принимает решения о *приемлемости (неприемлемости)* и *постановления*. Практически все правовые позиции договорных органов первоначально излагаются в индивидуальных решениях, а затем в обобщениях.

Б. *Обобщения* также имеют разные наименования. Так Комитет по правам человека, Комитет против пыток и Комитет по правам инвалидов принимают *замечания общего порядка*, а Комитет по ликвидации расовой дискриминации и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин – *общие рекомендации*.

В замечаниях общего порядка, общих рекомендациях раскрывается в том числе нормативное содержание правоотношений, предметом которых являются права и свободы человека, понятия (термины), изложенные в международных договорах, что не может не учитываться государством при реализации положений этих договоров в сфере внутрисударственных отношений. В обобщениях отражаются наиболее значимые и повторяемые правовые позиции в той или иной сфере общественных отношений.

Если речь идет об обобщениях, принимаемых международными договорными органами, действующими в рамках ООН, то они основываются как на практике рассмотрения органами индивидуальных сообщений (жалоб), так и на оценке договорными органами периодических докладов государств о соблюдении ими обязательств по международным договорам.

Так, в Замечании общего порядка № 32 (равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство), принятом Комитетом по правам человека в 2007 г., отмечается, что «в статье 14 содержатся гарантии, которые государства-участники обязаны соблюдать, независимо от их юридических традиций и внутреннего права. Хотя они должны сообщать, каким образом интерпретируются эти гарантии в их соответствующих правовых системах, Комитет отмечает, что основное содержание устанавливаемых Пактом гарантий не может определяться исходя лишь из положений внутреннего права»⁷⁵.

В п. 2 Замечания общего характера № 34, принятого Комитетом по правам человека в 2011 г. и посвященного защите свободы слова и мнений, гарантируемой ст. 19 Международного пакта

о гражданских и политических правах, предусматривается, что «свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Они имеют ключевое значение для любого общества. Они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Эти две свободы тесно взаимосвязаны, поскольку свобода выражения мнений стимулирует обмен ими и их формирование»⁷⁶.

Согласно п. 6 Замечания общего порядка № 21 (право каждого человека на участие в культурной жизни) (п. 1(а) ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), принятого Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам, «[п]раво на участие в культурной жизни может быть определено в качестве одной из свобод. Для обеспечения этого права от государства-участника требуется как воздерживаться от каких-либо действий (например, не вмешиваться в осуществление культурной практики и в доступ к культурным благам и услугам), так и предпринимать стимулирующие меры (обеспечивать предварительные условия для участия в культурной жизни, для содействия ей и для ее поощрения, а также доступ к культурным благам и их сохранение)»⁷⁷.

В п. 26 Общей рекомендации XXXV «Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка» Комитета по ликвидации расовой дискриминации указано, что «право на свободу мнений и их свободное выражение признается в качестве фундаментального права и во многих других международных договорах, включая Всеобщую декларацию прав человека, которая подтверждает, что каждый человек имеет право на свободу придерживаться своих убеждений, искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Право на свободное выражение мнений не является неограниченным, но и налагает особые обязанности и ответственность. Поэтому оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц и для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Право на свободу мнений

⁷⁵ URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/comments.htm> (accessed date: 18.03.2017).

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2fGC%2f21&Lang=en (accessed date: 18.03.2017).

и их свободное выражение не должно быть направлено на уничтожение прав и свобод других лиц, включая право на равенство и недискриминацию»⁷⁸.

Ниже приводятся основные обобщения, которые были приняты отдельными международными договорными органами.

Комитетом по правам человека были приняты в том числе следующие *замечания общего порядка*⁷⁹: № 9 (право на свободу и личную неприкосновенность); № 10 (свобода выражения мнения); № 14 (право на жизнь); № 15 (положение иностранцев); № 16 (право на частную жизнь); № 17 (права ребенка); № 18 (недискриминация); № 19 (право на семейную жизнь); № 20 (право не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию), которое заменило одноименное Замечание общего порядка № 7; № 21 (обращение с лицами, лишенными свободы); № 22 (свобода мысли, совести, религии); № 23 (права меньшинств); № 25 (участие в публичной жизни и право голосовать); № 27 (свобода передвижения); № 28 (равенство мужчины и женщины), а также упомянутые выше замечания общего порядка № 32 (равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство), № 34 (свобода слова и мнений) и № 35 (право на свободу и личную неприкосновенность)⁸⁰.

Комитет против пыток принял следующие *замечания общего порядка*⁸¹, представляющие собой толкование Комитетом отдельных положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.: № 1 (осуществление статьи 3 Конвенции в контексте

статьи 22 (возвращение и сообщения)); № 2 (имплементация статьи 2 государствами-участниками) и № 3 (осуществление статьи 14 государствами-участниками)⁸².

*Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам*⁸³ приняты следующие *замечания общего порядка*⁸⁴, представляющие собой практику толкования отдельных положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.: № 4 (право на достаточное жилище); № 5 (лица с какой-либо формой инвалидности); № 6 (экономические, социальные и культурные права пожилых людей); № 7 (право на достаточное жилище: принудительные выселения); № 11 (план мероприятий по начальному образованию); № 12 (право на достаточное питание); № 13 (право на образование); № 14 (право на наивысший достижимый уровень здоровья); № 15 (право на воду); № 16 (равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами); № 17 (право каждого на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является); № 18 (право на труд); № 19 (право на социальное обеспечение); № 20 (недискриминация экономических, социальных и культурных прав); № 21 (право каждого на участие в культурной жизни); № 22 (право на сексуальное и репродуктивное здоровье (ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)) и № 23 (право на справедливые и благоприятные условия труда)⁸⁵.

Комитетом по ликвидации расовой дискриминации были приняты в том числе следующие *общие рекомендации*⁸⁶: VII относительно осу-

⁷⁸ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fGC%2f35&Lang=en. (accessed date: 18.03.2017).

⁷⁹ По состоянию на 1 мая 2017 г.

⁸⁰ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=8&DocTypeID=11 (accessed date: 18.03.2017).

⁸¹ По состоянию на 1 мая 2017 г.

⁸² URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=1&DocTypeID=11 (accessed date: 18.03.2017).

⁸³ 10 декабря 2008 г. Генеральной Ассамблеей ООН единогласно был одобрен Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, наделяющей Комитет возможностью *принимать и рассматривать индивидуальные сообщения*. К 29 мая 2017 г. данный Протокол был подписан 45 государствами, 22 из них выразили согласие.

Протокол вступил в силу 5 мая 2013 г. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-3-a&chapter=4&lang=en (accessed date: 18.03.2017). По состоянию на 1 мая 2017 г. Российская Федерация не являлась его участником.

⁸⁴ По состоянию на 1 мая 2017 г.

⁸⁵ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=9&DocTypeID=11 (accessed date: 18.03.2017).

⁸⁶ По состоянию на 1 мая 2017 г.

цествления ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; VIII, касающаяся толкования и применения п. 1 и 4 ст. 1 Конвенции; IX по поводу применения п. 1 ст. 8 Конвенции; XI о негражданах; XIII о подготовке должностных лиц правоохранительных органов по вопросам защиты прав человека; XIV по п. 1 ст. 1 Конвенции; XV по ст. 4 Конвенции; XVI, касающаяся применения ст. 9 Конвенции; XIX по ст. 3 Конвенции; XX по ст. 5 Конвенции; XXII по ст. 5 Конвенции применительно к беженцам и перемещенным лицам; XXIII о правах коренных народов; XXIV применительно к ст. 1 Конвенции; XXV о гендерных аспектах расовой дискриминации; XXVI по ст. 6 Конвенции; XXVII о дискриминации в отношении рома; XXVIII о последующих мерах по итогам Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости; XXIX по п. 1 ст. 1 Конвенции (родовое происхождение); XXX о дискриминации неграждан; XXXI о предупреждении расовой дискриминации в процессе отправления и функционирования системы уголовного правосудия; XXXII о значении и сфере применения особых мер в Конвенции; XXXIV о расовой дискриминации в отношении лиц африканского происхождения; XXXV о борьбе с ненавистническими высказываниями расистского толка⁸⁷.

Вышеупомянутые общие рекомендации содержат практику толкования Комитетом по ликвидации расовой дискриминации отдельных положений Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин были приняты следующие общие рекомендации⁸⁸, представляющие собой практику толкования Комитетом отдельных положений Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в отношении женщин: № 9 (статистические данные, касающиеся положения женщин); № 13 (равное вознаграждение за равный труд); № 14 (обрезание у женщин); № 15 (недопущение дискриминации женщин в национальных стратегиях предупреждения синдрома

приобретенного иммунодефицита (СПИДа) и борьбы с ним); № 16 (женщины, безвозмездно работающие на городских и сельских семейных предприятиях); № 18 (женщины-инвалиды); № 19 (насилие в отношении женщин); № 21 (равноправие в браке и в семейных отношениях); № 23 (политическая и общественная жизнь); № 24 (ст. 12 Конвенции (женщины и здоровье)); № 26 (трудоустройство женщины-мигранты); № 27 (пожилые женщины и защита их прав человека); № 28 (основные обязательства государств-участников по ст. 2 Конвенции); № 29 (ст. 16 Конвенции об экономических последствиях вступления в брак, семейных отношениях и их расторжении); № 30 (положение женщин в условиях предотвращения конфликтов, в конфликтных и постконфликтных ситуациях); Совместные Общая рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике; общие замечания Комитета № 32 по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин; № 33 о доступе женщин к правосудию и № 34 о правах сельских женщин⁸⁹.

Комитет по правам ребенка⁹⁰ принял следующие замечания общего порядка⁹¹, представляющие собой толкование Комитетом по правам ребенка Конвенции о правах ребенка 1989 г. и (или) Протоколов к ней: № 1 (цели образования); № 2 (роль независимых правозащитных учреждений); № 3 (ВИЧ/СПИД и права ребенка); № 4 (здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции); № 5 (общие меры по осуществлению Конвенции); № 6 (обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения); № 7 (осуществление прав ребенка в раннем детстве); № 8 (право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания (в частности, ст. 19, п. 2 ст. 28 и ст. 37 Конвенции)); № 9 (права детей-инвалидов); № 10 (права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних); № 11 (дети из числа коренных народов и их права согласно

⁸⁷ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=6&DocTypeID=11. (accessed date: 18.03.2017).

⁸⁸ По состоянию на 1 мая 2017 г.

⁸⁹ URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/Pages/Recommendations.aspx>. (accessed date: 18.03.2017).

⁹⁰ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, наделяющий этот Комитет компетенцией рассматривать индивидуальные жалобы, вступил в силу 14 апреля 2014 г. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11-d&chapter=4&lang=en (accessed date: 18.03.2017). По состоянию на 1 января 2017 г. Российская Федерация не являлась участником этого Протокола.

⁹¹ По состоянию на 1 мая 2017 г.

Конвенции); № 12 (право ребенка быть услышанным); № 13 (право ребенка на свободу от всех форм насилия); № 14 (право ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции)); № 15 (право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения (ст. 24 Конвенции)); № 16 (обязательства государств, касающиеся воздействия предпринимательской деятельности на права детей); № 17 (право ребенка на отдых, досуг, участие в играх, развлекательных мероприятиях, культурной жизни и занятии искусством (ст. 31 Конвенции)); Совместная рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка по вредной практике; Замечание общего порядка о реализации прав несовершеннолетних⁹².

Правовые позиции *Европейского Суда по правам человека* обобщаются в ежемесячных отчетах⁹³, а также в ежегодных докладах⁹⁴.

Издаются также тематические обзоры (подборки), в том числе переведенные на русский язык, подготавливаемые пресс-службой Европейского Суда по правам человека⁹⁵. Но, как подчеркивает сам Суд, указанные документы не являются исчерпывающими и не имеют для него обязательной силы⁹⁶. Вместе с тем суды Российской Федерации могли бы обращаться к содержанию этих тематических обзоров в качестве одного из средств толкования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней.

По состоянию на 1 мая 2017 г. были подготовлены и размещены на русском языке следующие тематические обзоры: «Коллективные высылки»; «Высылка и экстрадиция»; «Защита персональных данных»; «Новые технологии»; «Право на собственное изображение»; «Гендерная идентичность»; «Гомосексуальность: уголовно-правовой аспект»; «Расовая дискриминация»; «Половая ориентация»; «Отмена смертной

казни»; «Право на жизнь»; «Лишение свободы и психическое здоровье»; «Практика Суда по делам, связанным с окружающей средой»; «Здоровье»; «Психическое здоровье»; «Право заключенных на охрану здоровья»; «Лишение свободы и психическое здоровье»; «Условия содержания в местах лишения свободы и обращение с заключенными»; «Право заключенных на охрану здоровья»; «Право заключенных голосовать на выборах»; «Отказ от военной службы по религиозным или иным убеждениям»; «Свобода религии»; «О ненависти»; «Право заключенных голосовать на выборах»; «Защита журналистских источников»; «Право на свободные выборы»; «Права профсоюзных организаций»; «Принудительный труд и торговля людьми»; «Налогообложение»; «Права профсоюзных организаций»; «Защита детей»; «Права детей»; «Права родителей»; «Репродуктивные права»; «Содержание под стражей в полиции / помощь адвоката»; «Терроризм»; «Насилие в отношении женщин»; «Экстерриториальная юрисдикция государств-участников» и «Пилотные постановления».

Есть международные договоры, во исполнение которых были созданы международные договорные органы и которые не являются обязательными для Российской Федерации, например Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г.

Принимаемые этими органами документы, в том числе содержащие их правовые позиции, не являются юридически обязательными для Российской Федерации, если только не представляют собой одно из доказательств существования общепризнанных принципов и норм международного права в той или иной сфере межгосударственных отношений.

Так, *Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей*, действующий на основании Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей⁹⁷, принял следующие замечания

⁹² URL: http://tbineternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=5&DocTypeID=11 (accessed date: 18.03.2017).

⁹³ URL: http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=echrpublications/other&c=#n1347528850996_pointer (accessed date: 18.03.2017).

⁹⁴ URL: http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=echrpublications&c=#n14225225105470760102541_pointer (accessed date: 18.03.2017).

⁹⁵ Доступ: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=press/factsheets/russian> (дата обращения 18.03.2017).

⁹⁶ Доступ: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Expulsions_Extraditions_RUS.pdf (дата обращения 18.03.2017).

⁹⁷ По состоянию на 1 мая 2017 г. Российская Федерация не являлась участником данного международного договора. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-13&chapter=4&lang=en (accessed date: 18.03.2017).

общего порядка: № 1 о трудящихся-мигрантах, работающих в качестве домашней прислуги, и № 2 о правах трудящихся-мигрантов, не имеющих постоянного статуса, и членов их семей⁹⁸. С целью эффективной защиты прав и свобод человека правовые позиции таких органов могли бы учитываться судами Российской Федерации при толковании национального законодательства, общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации.

Практика отечественных судов, включая Верховный Суд РФ, свидетельствует, что правовые позиции международных договорных органов учитываются при рассмотрении конкретных дел, причем при применении как международных соглашений Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, так и законодательства нашей страны. Как представляется, учет правовых позиций договорных органов должно способствовать дальнейшему повышению эффективности судебной защиты прав и свобод человека и, как следствие, надлежащему исполнению Российской Федерацией ее международно-правовых обязательств.

К настоящему времени в рамках ООН кроме системы вышеупомянутых договорных органов сформировалась *система международных внедоговорных органов*, основной целью деятельности которых также стала защита прав и свобод человека, гарантируемых общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. Они также формулируют правовые позиции по тем или иным вопросам.

Эти позиции могут учитываться судами Российской Федерации при применении общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров и законодательства Российской Федерации.

Под международным внедоговорным органом по защите прав и свобод человека автором понимается орган, созданный во исполнение решения международной межправительственной организации и контролирующей, как правило, общую ситуацию с соблюдением прав и свобод человека в государствах – участниках этой организации.

Одним из примеров внедоговорного (уставного) органа является *Совет ООН по правам человека*.

Совет ООН по правам человека создан в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15 марта 2006 г. № 60/251 взамен Комиссии по правам человека в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН. В его состав входят 47 государств-участников, каждое из которых избирается большинством голосов членов Генеральной Ассамблеи путем прямого тайного голосования. Члены Совета избираются на основе принципа справедливого географического распределения, а места в Совете распределяются между региональными группами следующим образом: группа африканских государств – 13 мест; группа азиатских стран – 13 мест; группа восточноевропейских государств – 6 мест; группа стран Латинской Америки и Карибского бассейна – 8 мест и группа западноевропейских и других государств – 7 мест. Члены Совета исполняют свои полномочия в течение трех лет и не имеют права на переизбрание после двух следующих друг за другом сроков полномочий. Российская Федерация является членом Совета.

Основной целью Совета является содействие всеобщему уважению и защите прав человека и основных свобод для всех без каких-либо различий, на справедливой и равной основе. Для достижения указанной цели Совет вправе делать рекомендации Генеральной Ассамблее ООН в отношении дальнейшего развития международного права в области прав человека. Кроме того, он представляет ежегодный доклад Генеральной Ассамблее ООН и проводит *универсальные (всеобъемлющие) периодические обзоры* выполнения каждым государством его обязательств и обязанностей в области прав человека. В рамках Совета обсуждаются тематические вопросы, связанные с обеспечением прав и свобод человека в определенной сфере межгосударственных отношений.

Универсальный (всеобъемлющий) периодический обзор (an universal periodic review) проводится Советом в отношении каждого государства – члена ООН один раз в четыре года. Правовым основанием осуществления обзора является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, учреждающая Совет. Так, в соответствии с подп. «е» п. 5 Резолюции Совет должен «на основе объективной и достоверной информации проводить всеобъемлющие периодические обзоры выполнения каждым государством его обязательств и обязанностей в области прав человека таким об-

⁹⁸ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=7&DocTypeID=11 (accessed date: 18.03.2017).

разом, который обеспечивает универсальность охвата и одинаковое отношение ко всем государствам; такой обзор должен быть механизмом сотрудничества, основанным на интерактивном диалоге с соответствующей страной при ее активном участии и учете ее потребностей в создании потенциала; такой механизм должен дополнять, а не дублировать работу договорных органов».

Правовым содержанием универсального периодического обзора является интерактивный диалог государств – участников ООН и страны, являющейся объектом обзора (вопросы государств-членов и ответы на них этой страны). Конечная цель рассматриваемого механизма – улучшение ситуации по соблюдению прав и свобод человека в государствах – участниках ООН, а также исследование допущенных нарушений прав и свобод человека. К 2011 г. все государства прошли первый цикл обзора. С 2012 по 2016 г. планировалось провести второй цикл обзора. 3 мая 2013 г. были утверждены итоги универсального периодического обзора в отношении Российской Федерации.

В рамках Совета также осуществляются **специальные процедуры** (далее – также внедоговорные органы), которые по состоянию на 1 января 2017 г. охватывали 43 тематических и 14 страновых мандатов в формах специального докладчика, рабочей группы, независимого эксперта и специального представителя Генерального секретаря ООН.

Носитель тематического или странового мандата, как правило, действует в личном качестве.

Специальные процедуры – это механизмы, устанавливаемые Советом по правам человека с целью изучения и исследования ситуации, связанной с соблюдением прав и свобод человека в конкретном государстве либо в определенной сфере межгосударственных отношений (сфера защиты свободы слова, религии, права на личную неприкосновенность, права на достаточное жилище и питание и др.).

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека обеспечивает указанные механизмы трудовыми и логистическими ресурсами. Рассматриваемые процедуры охватывают разные виды деятельности: исследование сложившейся ситуации с соблюдением прав и свобод человека в той или иной стране либо в той или иной сфере межгосударственных отношений; принятие и рассмотрение индивидуальных жалоб, касающихся предполагаемого нарушения

государством прав и свобод человека; дача советов (рекомендаций) и оказание технической помощи. Специальные процедуры могут носить индивидуальный (в форме специального докладчика, независимого эксперта или специального представителя) либо коллективный характер (в форме рабочей группы).

Одной из распространенных форм осуществления специальных процедур является *деятельность специального докладчика*. Работа специальных докладчиков, как правило, организуется по следующим направлениям деятельности: представление тематических докладов Совету ООН по правам человека (а некоторых из них – также и Генеральной Ассамблее ООН) на его ежегодных сессиях; направление посланий в связи с предполагаемыми нарушениями прав человека (призывы к незамедлительным действиям и письма с указанием предполагаемых нарушений) соответствующим правительствам; выпуск пресс-релизов по конкретным вопросам, вызывающим серьезную озабоченность.

Когда специальный докладчик получает достоверную информацию о предполагаемых нарушениях прав человека, он (она) может направить через Управление Верховного комиссара по правам человека соответствующему правительству послание, как правило в виде письма, содержащего просьбу о предоставлении информации и комментариев, связанных с проведением расследования. Послания могут касаться индивидуальных дел либо дел групп или общин, общих тенденций. Послания могут приобретать форму призывов к незамедлительным действиям или писем с указанием предполагаемых нарушений. Специальные докладчики могут направлять совместные послания в тех случаях, когда дела подпадают под рамки нескольких мандатов.

Согласно *тематическим мандатам* действовали в том числе Специальный докладчик по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень; Рабочая группа по произвольным задержаниям; Специальный докладчик по вопросу о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии; Независимый эксперт в области культурных прав; Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям; Специальный докладчик по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях; Специальный докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов.

В свою очередь согласно *страновым мандатам* действовали, например, Специальный представитель Генерального секретаря по вопросу о положении в области прав человека в Камбодже; Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Корейской Народно-Демократической Республике; Независимый эксперт, назначенный Генеральным секретарем, по вопросу о положении в области прав человека в Гаити и Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Кот-д'Ивуаре.

В рамках отдельных специальных процедур действует механизм рассмотрения *индивидуальных сообщений* по вопросам соблюдения прав и свобод человека, относящимся к их мандату (процедура вмешательства в дела государства)⁹⁹.

В частности, такой механизм есть у *Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям*¹⁰⁰; у *Специального докладчика по вопросу о праве на достаточное жилище*¹⁰¹; у *Специального докладчика по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья*¹⁰²; у *Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях*¹⁰³; у *Специального докладчика по вопросу о насилии*

*в отношении женщин, его причинах и последствиях*¹⁰⁴; у *Специального докладчика по праву на неприкосновенность частной жизни*¹⁰⁵; у *Специального докладчика по вопросу о крайней нищете и правах человека*¹⁰⁶ и у *Специального докладчика по вопросу о праве на образование*¹⁰⁷.

Вмешательство может касаться нарушений прав человека, которые уже произошли, происходят или, по всей вероятности, могут произойти. В целом процесс вмешательства включает в себя письмо соответствующему государству с просьбой предоставить информацию и комментарии относительно полученного сообщения и, в случае необходимости, принять превентивные меры или организовать расследование. Сообщения могут относиться к индивидуальным случаям, общим тенденциям или системным нарушениям прав человека, происходящим в конкретной стране, к случаям, затрагивающим отдельные группы или сообщества, или к содержанию законопроекта или существующего закона, не соответствующего, по утверждениям, международным стандартам в области прав человека. Иногда сообщения также отсылаются межправительственными организациями или негосударственными субъектами, чтобы заполнить пробелы в области защиты¹⁰⁸.

⁹⁹ Указанное обстоятельство, может, как представляется, условно относить специальные процедуры к межгосударственным органам по защите прав и свобод человека. Поэтому данной статье автор посчитал возможным охватить специальные процедуры, действующие в рамках Совета ООН по правам человека, понятием «межгосударственные органы» по защите прав и свобод человека и соответственно изложить основные их правовые позиции.

¹⁰⁰ URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Disappearances/Pages/Procedures.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰¹ Например, в рамках своего мандата Специальный докладчик получает информацию о предполагаемых нарушениях права на достаточное жилище. В зависимости от располагаемых ресурсов он может направить соответствующему правительству письмо, совместно с другими мандатариями специальных процедур или отдельно, с просьбой предоставить комментарии касательно предполагаемого нарушения, с тем чтобы прояснить ситуацию и напомнить правительству о его обязательствах в соответствии с международным правом, а также при необходимости с просьбой предоставить информацию о мерах, принятых властями для исправления рассматриваемой ситуации. Специальный докладчик призывает все стороны в оперативном порядке отвечать на его сообщения и принимать все необходимые меры для разрешения ситуаций с нарушением права на достаточное жилище.

Сообщения Специального докладчика могут принимать разные формы, в том числе:

а) призывы к незамедлительным действиям, используемые в случаях, когда предполагаемые нарушения зависят от фактора времени, так как связаны с человеческими жертвами, возникновением опасных для жизни ситуаций или продолжающимся нанесением жертвам серьезного ущерба. Соответственно такие ситуации не могут быть своевременно решены с помощью процедуры направления письма с указанием предполагаемых нарушений;

б) письма с указанием предполагаемых нарушений, используемые для информирования о нарушениях, которые, по утверждениям, уже случились, или в случаях, когда не применяется процедура неотложных действий.

URL: <http://www.ohchr.org/RU/Issues/Housing/Pages/IndividualComplaints.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰² URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Health/Pages/IndividualComplaints.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰³ URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Executions/Pages/Complaints.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰⁴ URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Women/SRWomen/Pages/Complaints.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰⁵ URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Privacy/SR/Pages/Howtosubmitcomplaints.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰⁶ URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Poverty/Pages/Individualcomplaints.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰⁷ URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Education/SREducation/Pages/IndividualComplaints.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

¹⁰⁸ URL: <http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/SP/Pages/Communications.aspx> (accessed date: 18.03.2017).

Решение о вмешательстве принадлежит исключительно мандатариям специальных процедур и зависит от разных установленных ими критериев, а также условий, закрепленных в Кодексе поведения¹⁰⁹. В целом критерии будут касаться: надежности источника и достоверности полученной информации, предоставленных подробностей и масштаба мандата. Специальные процедуры регулярно представляют Совету по правам человека доклады о сообщениях, содержащие резюме затронутых вопросов за последний отчетный период. С сентября 2011 г. текст полученных сообщений и ответов можно найти в этих периодических докладах. Некоторые мандатарии продолжают на регулярной основе публиковать свои замечания к полученным ответам¹¹⁰.

Практика международных договорных органов, включая Европейский Суд по правам человека, свидетельствует, что в ходе рассмотрения индивидуальных сообщений этими органами учитываются правовые позиции, выработанные в рамках специальных процедур, действующих под эгидой Совета ООН по правам человека (см., например, Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2012 г. по делу *Махмуджан Эргашев против Российской Федерации*, при рассмотрении которого были учтены правовые позиции Специального докладчика ООН по пыткам и другому жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2014 г. по делу *Примов и другие против Российской Федерации*, при рассмотрении которого были учтены правовые позиции Специального докладчика ООН по вопросу о праве на свободу мирных собраний и объединения).

Договорные органы ООН при рассмотрении индивидуальных сообщений также ссылаются на правовые позиции, сформулированные в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека¹¹¹.

Конституционный Суд РФ при толковании конституционных положений учитывает правовые позиции, выработанные в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека.

В Постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П, вынесенном по результатам рассмотрения дела о проверке конституционности положений п. 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова, Конституционный Суд отметил:

«[в] силу пункта 2 части 3 статьи 17 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» лицо, оказывающее услуги по хранению информации и обеспечению доступа к ней, не несет гражданско-правовой ответственности за распространение информации, если оно не могло знать о незаконности такого распространения. Приведенное регулирование соотносится с правом каждого свободно распространять информацию любым законным способом, которое признается и защищается Конституцией Российской Федерации (статья 29, часть 4), Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 19), Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 10), а также – применительно к распространению информации через сеть «Интернет» – в ряде других международно-правовых актов. Так, согласно подпункту «а» пункта 2 Совместной декларации о свободе выражения мнения и Интернете (принята 1 июня 2011 года *Специальным докладчиком Организации Объединенных Наций (ООН) по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение*, Представителем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по вопросам свободы средств массовой информации, Специальным докладчиком по вопросам свободы выражения мнений Организации американских государств (ОАГ) и Специальным докладчиком по вопросам свободы выражения мнений и свободного доступа к информации Африканской комиссии по правам человека и народов) ни одно лицо, которое предоставляет лишь технические интернет-услуги, такие как обеспечение доступа или поиск, передача или кэширование информации, не должно нести ответственности за созданный другими лицами контент, который был распространен при помощи этих услуг, если это лицо не вносило в него изменений и не отказывалось выполнить судебное решение об удалении данного контента в случаях, когда оно имеет возможность это сделать».

Не являются исключением в рассматриваемом отношении и иные суды Российской Федерации.

Так, при рассмотрении в апелляционном порядке вышеупомянутого административного дела по административному исковому заявлению прокурора Республики Крым о признании экстремистской организацией и запрете деятельности общественного объединения «Меджлис крымскотатарского народа» в апелляционном определении от 29 сентября 2016 г. Судебная кол-

¹⁰⁹ Code of Conduct for Special Procedures Mandate-holders of the Human Rights Council. URL: <http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/SP/CodeOfConduct.pdf> (accessed date: 18.03.2017).

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ См., например, Решение Комитета против пыток по делу *Х.У. и их дочь Z. против Швеции*. Сообщение № 530/2012. Решение принято 10 августа 2015 г. Указанное Решение размещено в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016). Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.

легия по административным делам Верховного Суда РФ сослалась на правовые позиции *Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов*. Судебная коллегия, не соглашаясь с доводом апелляционной жалобы о несоответствии принятого решения нормам международного права, отметила следующее.

«В статье 19 Декларации предусматривается, что государства добросовестно консультируются и сотрудничают с соответствующими коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их свободным, предварительным и осознанным согласием, прежде чем принимать и осуществлять законодательные или административные меры, которые могут их затрагивать.

Государства обязаны консультироваться с коренными народами для того, чтобы не допустить навязывания коренным народам важных решений и дать им возможность процветать в качестве имеющих свои особенности общин на землях, с которыми по-прежнему связана их культура. Как правило, государство должно принимать решения в рамках демократических процедур при должной представленности интересов населения. Использование процедур уведомления широких кругов населения и получения их замечаний зачастую подкрепляет репрезентативные демократические процессы принятия государством решений (пункты 41 и 42 *Доклада Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов*. A/HRC/12/34. Размещен 15 июля 2009 г.).

На необходимость принятия государством решений в рамках демократических процессов при должной представленности интересов населения обращено внимание и в пункте 80 *Доклада Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов*. A/66/228. Размещен 10 августа 2011 г.

Системный анализ приведенных положений позволяет прийти к выводу, что не имеют правового значения способы осуществления консультаций государства с коренным народом при установлении факта их осуществления посредством различных механизмов, одним из которых является система представителей, избираемых коренными народами по своим собственным процедурам.

Следовательно, вопреки доводам жалобы, прекращение деятельности Меджлиса не свидетельствует

о нарушении положений статей 18 и 19 Декларации, поскольку консультации по вопросам, затрагивающим интересы крымскотатарского народа, могут быть реализованы посредством использования иных механизмов, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов в своих рекомендациях подчеркивает важность того, чтобы государство предприняло добросовестные усилия для достижения договоренности с коренными народами, которым также следует добросовестно стремиться к консенсусу в отношении предлагаемых мер и стремиться избегать негибкого подхода в случаях, когда предлагаемые меры учитывают законные интересы населения (пункт 67 Доклада. A/HRC/12/34. Размещен 15 июля 2009 г.).

В статье 46 Декларации закреплено, что содержащиеся в ней положения не могут толковаться как подразумевающие какое-либо право любого государства, народа, группы лиц или отдельного лица заниматься любой деятельностью или совершать любые действия в нарушение Устава Организации Объединенных Наций или рассматриваться как санкционирующие или поощряющие любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств, что все положения Декларации толкуются в соответствии с принципами справедливости, демократии, уважения прав человека, равенства, недискриминации, благого управления и добросовестности.

Между тем осуществление Меджлисом экстремистской деятельности, факты которой были установлены судом первой инстанции, свидетельствует о нарушении административным ответчиком указанных принципов.

В силу требований статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком.

Приведенные положения распространяются и на представителей коренных народов (пункт 22 *Доклада Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов*. A/HRC/9/9. Размещен 11 августа 2008 г.)¹¹².

¹¹² Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».